

**Военные
Приключения**

ТЕНИ НАД "РУССКИМ ЧИКАГО"

АЛЕКСАНДР ДОМОВЕЦ

Военные приключения (Вече)

Александр Домовец

Тени над «русским Чикаго»

«ВЕЧЕ»

2026

УДК 821.161.1311.3

ББК 84(2)

Домовец А. Г.

Тени над «русским Чикаго» / А. Г. Домовец — «ВЕЧЕ»,
2026 — (Военные приключения (Вече))

ISBN 978-5-4484-6083-8

Лето 1914 года. Уездный город Царицын не зря называют «русским Чикаго». Здесь бурно развиваются промышленность, торговля и логистика. Командированные в Царицын контрразведчики капитан Рязанцев и прапорщик Афонин разбираются в обстоятельствах гибели своего товарища – контрразведчика майора Данилова. Вместе с поручиком Бабушкиным Данилов курировал в Царицыне строительство секретного артиллерийского завода – к нему особый интерес проявляет германская разведка. И теперь Рязанцев предполагает, что в убийстве Данилова есть немецкий след. Незадолго до смерти Данилов несколько раз ездил в волостной городок Сарепту, основанный немецкими поселенцами и расположенный недалеко от Царицына. Рязанцев узнаёт, что в Царицыне действует германская шпионская сеть, чья цель – устроить в городе крупную диверсию и приурочить её к началу войны, которая может грянуть со дня на день. Рязанцеву предстоит найти ответ на вопрос: где готовится диверсия – на крупнейшем нефтеперерабатывающем заводе концерна Нобеля или на новом артиллерийском заводе?..

УДК 821.161.1311.3

ББК 84(2)

ISBN 978-5-4484-6083-8

© Домовец А. Г., 2026

© ВЕЧЕ, 2026

Содержание

Пролог	7
Глава первая	10
1	10
2	13
3	16
Глава вторая	21
1	21
2	25
3	30
Глава третья	32
1	32
2	38
3	45
Глава четвёртая	51
1	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Александр Домовец

Тени над «русским Чикаго»

«Военные приключения»# является зарегистрированным товарным знаком, владельцем которого выступает ООО «Издательство «Вече». Согласно действующему законодательству без согласования с издательством использование данного товарного знака третьими лицами категорически запрещается.

**Военные
Приключения** ®

Серия «Военные приключения»

© Домовец А.Г., 2026

© ООО «Издательство «Вече», оформление, 2026

Пролог

Сентябрь 1913 года, Санкт-Петербург

Умей Сухомлинов бегать по потолку, уже бегал бы...

На эту мысль наводила побагровевшая лысина, нервическое и бесцельное перекладывание бумаг на столе, а главное, крайнее раздражение, написанное на лице аршинными буквами. Эполеты чуть ли не торчком... «Опять с Коковцевым нынче сцепился», – подумал Монкевиц, неожиданно вызванный к военному министру, – и не ошибся. Оставалось ждать, когда начальник остынет и объяснит причину вызова.

– Был нынче у государя на докладе, – сказал наконец Сухомлинов, барабанив пальцами по столешнице. – Явился и Коковцев. Я его в высочайшем присутствии спросил, когда же будет увеличен военный бюджет. Пока не планируем, отвечает. Как же так, говорю? Европа расколосась, Балканы кипят, Австро-Венгрия кулаками размахивает, Германия вооружается, как бешеная, а у нас военные расходы из года в год в замороженном состоянии...

Монкевиц пожал плечами, украшенными генеральскими погонями.

– Странно, – заметил он. – Человек, несомненно, умный, а простых вещей не понимает... Когда ещё сказали, что не желающий кормить свою армию будет в конце концов кормить чужую!

Сухомлинов скривился.

– Нашли много! Как был счетоводом, так и остался, – даром, что премьер-министр... Раньше-то привык у себя в Министерстве финансов над каждой копейкой дрожать.

– А что сказал государь? – поинтересовался Монкевиц.

– Ну, что, что... – Сухомлинов вздохнул. – Сказал, что озабоченность мою разделяет, но с увеличением бюджета надо повременить. Дума резко против. Барабан¹, мол, заявил, что ни рубля сверх отпущенных средств не согласует. Только через его труп!

Монкевиц подумал, что своеволие Думы становится невыносимым. И, увы, Николай Второй с его мягким характером фактически этому своеволию потакает. Попробовал бы Родзянко перечить покойному Александру Третьему! Впрочем, при Александре никакой Думы и близко не было бы...

– Ещё Коковцев сказал, что, мол, грех вам, Владимир Александрович, жаловаться, – продолжал Сухомлинов. – Совет министров только что принял постановление о строительстве в Царицыне Саратовской губернии нового артиллерийского завода. По вашему настоянию, между прочим. Ну, тут мне и возразить было нечего.

– Дело важное, – согласился Монкевиц. – Но по исконной русской традиции делается, извините, через задницу.

Сухомлинов насторожился.

– Вы, собственно, о чём, Николай Августович?

– Всё о том же, Владимир Александрович! Кто строить-то будет? Акционерное общество с участием английской фирмы «Виккерс». Британцы и возведут, и оборудование поставят, и смонтируют.

– И что?

– Да ведь это секретное производство! Ну, давайте ещё топографическую схему завода в газетах распечатаем. Заодно уж и выпускаемые пушки опишем с указанием марок, калибров и дальности... Это же уму непостижимо! Чужому дяде все секреты на блюдечке дарим! У нас что, нет своих строителей, инженеров, оружейников?

¹ Барабан – так за грузную фигуру и громкие речи был прозван председатель Государственной думы IV созыва (1912–1917 гг.) Михаил Владимирович Родзянко.

Сухомлинов, нахмурившись, огладил бородку.

– Так оно так, – обронил нехотя. – Однако же не кто-нибудь строит – британцы. А они союзники.

– С такими союзниками и врагов не надо! – отрезал Монкевиц. – С Крымской войны ещё и шестидесяти лет не прошло. А Русско-японская?.. Кто япошек подзуживал с нами воевать и кредитами благодетельствовал? Кто их флот модернизировал и оружие поставлял? Все знают... А теперь, вишь ты, в друзья лезут, в Антанту² втянули! Хлебнём ещё с ними, помяните моё слово. Да и во всей истории нашей хлебали.

Сухомлинов засопел.

– Ну, то дело высокой политики, не нашего уровня, – сказал решительно. – Мы уж с вами давайте о своём, о насущном.

– Давайте, – согласился Монкевиц, насторожившись.

– Я ведь что вас пригласил, Николай Августович? Завод этот царицынский... м-м... не простой.

– Как так?

– Кроме обычных мастерских, будет на нём ещё один цех – секретный. Можно сказать, главный. Предназначен для производства нового типа пушек повышенной мощности и дальнобойности. Разработка наша, российская – тоже не лаптем щи хлебаем. Вот, ознакомьтесь.

С этими словами Сухомлинов передал собеседнику бумагу.

– Славно бы, – негромко сказал Монкевиц, быстро прочитав документ. – С такими пушками воевать да воевать.

– Именно! И наша с вами задача – обеспечить полную секретность этого проекта, – веско закончил мысль Сухомлинов.

– Так бы и сразу... – понимающе кивнул Монкевиц. Официальная должность Николая Августовича звучала замысловато: начальник особого делопроизводства при отделе генерал-квартирмейстера Генерального штаба Министерства обороны. А говоря проще, генерал-майор Монкевиц ведал военной разведкой и контрразведкой Российской империи. Стало быть, вопросы секретности – это к нему. – Но как быть с тем, что завод строят англичане?

– Ну и пусть строят, – отмахнулся Сухомлинов. – За два года поставят завод, смонтируют оборудование, и – расчёт в зубы. А выпуск пушек – это уже наше дело... Что думаете, Николай Августович? Как секретничать будем?

Монкевиц помедлил.

– Задача непростая, – сказал после паузы. – Разрешите недельку подумать, а потом уж представлю соображения. Тут ведь, Владимир Александрович, дело не только в том, как и что организовать. Какими силами – вот загвоздка.

– А что у нас с силами?

Монкевиц ответил взглядом, не лишённым иронии. Уж кто-кто, а министр знал, что штат особого делопроизводства... как бы это помягче... невелик. На всю Российскую империю насчитывалось лишь несколько сотен профессиональных разведчиков и контрразведчиков. Правда, по мере необходимости разрешалось привлекать к оперативной работе войсковых офицеров и жандармских чинов. Да ведь не специалисты они. Шпионов не ловили, секретной работе не обучены...

– В Царицыне у меня своих людей нет, – сказал хмуро. – Буду вызывать из Саратова, из управления воинского губернского начальника. А может, задействую офицеров из центрального аппарата. – Он вспомнил, как Сухомлинов только что жаловался на премьер-министра,

² Антанта – военно-политический блок Российской империи, Великобритании и Франции. Создан в качестве противовеса «Тройственному союзу» Германии, Австро-Венгрии и Италии. Сложился в 1904–1907 гг.

не желающего увеличить военный бюджет. Усмехнулся. – Уж сколько раз просил, Владимир Александрович, расширить штат, а вы ни в какую. Задач всё больше, а людей не прибывает...

Сухомлинов кашлянул.

– Всё понимаю, батенька, но средств на расширение штата пока нет, – ожидаемо сказал он, разводя руками. – Хоть из своего кармана плати, да карман тощий... Крутитесь! Привлекайте армейский офицерский состав!

– Да я-то кручусь... пока мирное время, – обронил Монкевиц. – А как война грянет? Ведь на пороге уже. Год, много – два...

– Не каркайте, Николай Августович!

– Да тут каркай не каркай... Сами видите, что в Европе творится. Вот тогда Родзянко с Коковцевым вспомнят, как военный бюджет морозили. А вы, Владимир Александрович, – как на разведке экономили. Уж простите великодушно...

Глава первая

1

Поезд выбрать можно, а попутчиков – нет. С этой глубокой философической мыслью покинул я гостеприимное чрево экспресса «Санкт-Петербург – Царицын».

Сначала всё складывалось хорошо. Двухместное купе комфортное, вагон-ресторан уютный, консьерже из дичи так просто на удивление... Но почтенный сотоварищ по купе, Прокопий Савельевич, из купцов, утомил изрядно. Его рассказы о многочисленных болезнях навели уныние. А проникновенное живописание ощущений при почечных коликах внушило даже лёгкий страх. Потом, правда, достал бутылку шустовского коньяка и, выкушав с моим участием несколько стопок, забылся праведным сном.

Ну да бог с ним.

Одноэтажное кирпичное здание вокзала, выстроенное без затей, оживлялось роскошным боковым крылом с выступающими окошками-люкарнами и шпилями на куполообразной крыше. Неясно даже было, где основная часть, а где пристройка. Оригинально.

Выйдя на перрон, я огляделся. Привокзальная площадь, скорее, напоминала зелёный сквер в обрамлении скамеек и беседок для пассажиров. С некоторым удивлением я обнаружил, что к фонарному столбу привязан верблюд. Двугорбый скакун выглядел меланхолически и что-то вдумчиво жевал. Я вспомнил, что в южном Царицыне, окружённом степями, верблюды – весьма популярный тягловый скот, выносливый, неприхотливый, недорогой в содержании. В общем, не экзотика. Хотя после Санкт-Петербурга...

Носильщик вынес мои вещи из вагона и, получив гривенник, сбегал за извозчиком.

– Куда едем, барин? – поинтересовался тот, когда багаж был уложен в коляску.

– Вези в «Столичные номера».

Извозчик уважительно снял картуз. «Столичные номера» были наилучшей гостиницей Царицына. Плюс мой по-летнему светлый чесучовый костюм, дорогой чемодан и солидный кофр... В общем, небедный барин. С такого и содрать не грех.

– Далеко отсюда? – спросил я, усаживаясь в коляску.

– Дык ить как ехать... Если не второпях, то минуточек десять.

– Вот и не торопись. На город погляжу.

Поглядеть было на что. Не знаю, как на окраинах, а центр города мне понравился. Чистые улицы были застроены аккуратными двух- и трёхэтажными домами. Многочисленные деревья и скверы дарили горожанам прохладу, смягчавшую южную жару. Хватало магазинов, занимавших первые этажи зданий и украшенных разнокалиберными вывесками. «Бакалейная торговля», «Казённая винная лавка», «Чай, сахар, кофе и другие колониальные товары», «Торговый дом «Чекушкин и К°», «Аптекарский склад»...

По широкой брусчатой мостовой неторопливо ехали конные экипажи и коляски. По тротуарам фланировали мужчины в пиджачных тройках и шляпах, а при них женщины в лёгких платьях и кокетливых шляпках. Вихрастый, бедно одетый мальчонка с матерчатой сумкой через плечо предлагал публике свежий номер газеты. Заложив руки за спину, по краю мостовой прохаживался крепкий усатый городской в темной полувоенной форме, с шашкой на боку... По первому впечатлению, Царицын мало чем отличался от бесчисленных уездных городов Российской империи. Ну, разве что верблюдами... И всё же кое чем отличался – иначе я бы сюда не приехал.

Проезжая улицу Елизаветинскую, заметил я массивное трёхэтажное здание красного кирпича. Здание как здание, только нёсся из его недр адский металлический шум на всю округу.

– Что ж это у вас, братец, самый центр города и такая какофония? – громко спросил я извозчика, перекрывая грохот.

Тот придержал лошадь и обернулся.

– А это, барин, наша городская примечательность, – охотно сообщил он, шербата скалясь.

– Как так?

– Да уж так... Есть у нас купец, знаменитый на весь уезд, – Серебров Григорий Нестерович. Устроил в этом доме завод гвоздильно-проволочный. Тот, стало быть, и шумит беспощадно день-деньской.

– А Серебров этот ваш, он что, для завода другого места не нашёл кроме центра?

– Дык в этом и фокус! Видите, рядом дом стоит?

Действительно, впритык к заводу расположился большой красивый особняк красного кирпича.

– Энтот дом другие знаменитые купцы, братья Репины, построили для своей сестры Юлии. Вот к ней-то Григорий Нестерович как-то посватался. А та возьми и откажи! Ну, понятное дело, конфуз на весь город... Серебров – он же, как порох, и денег куры не клюют. В отместку выкупил рядом с домом барышни гостиницу, перестроил и открыл завод. Вот с тех пор и гремит, покоя от него обществу нет...

– Но тут же рядом жилые дома! Неужто никто не жаловался? Та же барышня Репина?

– Да всё время жалуются! И в управу, и в губернию, и в суд. Штрафуют купца за шум бесперечь, а толку нет. Штрафы платит и знай себе громыхает дальше. Большие деньги на гвоздях делает, чего ж не откупиться? С тех пор Репины с Серебровыми как где-нить столкнутся, так сразу начинают друг друга по матери полоскать. Бывает, и до драки доходит, ежели выпивши...

Да!.. «Нашему ндраву не перечь». История вполне в духе пьес купеческого бытописателя Островского. А ведь целая эпоха сменилась! И купцы успели цивилизоваться. Уже вместо кафтанов носят пиджаки, и университетским образованием щеголяют, и меценатствуют вплоть до открытия картинных галерей, но большие деньги бьют в голову, как и полвека назад... Интересно, как повёл бы себя Ромео, если бы Джульетта ему отказала?

За разговорами доехали до «Столичных номеров», где я перед отъездом из Санкт-Петербурга по телеграфу забронировал номер. Гостиница на Александровской площади выглядела монументально. К изящному главному зданию слева, справа и сзади были пристроены ещё три корпуса. В итоге «Столичные номера» обрели форму правильного зеленовато-серого четырёхугольника, сильно смахивающего конфигурацией на средневековый феодальный замок.

Записав моё имя в гостевую книгу, конторщик кликнул слугу. Тот взял мои вещи и повёл на второй этаж, где располагался снятый полулюкс.

Что ж, номер не разочаровал. Оклеенная обоями в розочках большая комната с пристойной мебелью, ванной и ватерклозетом. Есть телефонный аппарат. (Очень понадобится!) Жить можно, и даже не без комфорта. Видал я гостиницы и похуже. Выглянув в широкое окно, отметил приятный вид: фасадом «Столичные номера» выходили на зеленеющий общественный садик, а невдалеке высился мощный собор – Александровский, как мне успели сообщить.

Разложив вещи и умывшись с дороги, я с папиросой в зубах устроился на удобном плюшевом диване. Вытянул ноги. Задумался.

Итак, сегодня, в середине июня 1914 года, я высадился в городе Царицыне Саратовской губернии. Кое-какими сведениями о нём меня перед поездкой снабдили. Город, конечно, интересный. Во многих отношениях незаурядный и в чём-то даже уникальный.

Его называют «русским Чикаго» – настолько бурно Царицын развивается, настолько быстро здесь растут заводы и фабрики. Но есть и другая особенность. Протянувшийся вдоль

могучей Волги на двадцать вёрст, город стал крупным перевалочным пунктом. Через него безостановочно льются потоки самых разных товаров – от знаменитых царицынских арбузов до азербайджанской нефти. Счёт полученных и отправленных грузов идёт на сотни миллионов пудов.

Кстати, о нефти. Именно здесь, в северной части Царицына, расположилась штаб-квартира нефтяного синдиката предприимчивых шведов – братьев Нобель. В сущности, целая вотчина! Выстроили они собственный городок, в котором нефть получают, хранят, перегоняют, отправляют полученные керосин и мазут во все концы бескрайней империи...

Отдельная тема – Сарепта. Так называется немецкий посёлок, устроившийся к югу от Царицына, где река Сарпа впадает в Волгу. Полтора столетия назад Екатерина Вторая издала указ, приглашающий иностранцев осваивать необжитые земли Российской империи. Сюда, к Царицыну, приехали саксонские немцы, которые основали свою колонию. Благодаря знаменитому немецкому трудолюбию и предприимчивости Сарепта быстро разрослась в целый городок с изрядно развитой промышленностью. И пяти тысяч населения не наберётся, а поди ж ты – заготавливают лес, выделывают кожи, ткнут полотно, варят известное на всё Поволжье пиво. Сарептские пряники конкурируют с тульскими. Но главное, конечно, – это знаменитая горчица. В своё время, отведав сарептской приправы, Александр Первый пришёл в восторг и распорядился прекратить закупки английской...

Царицын при формальном статусе уездного города насчитывает сто тридцать пять тысяч душ. Далеко не всякий губернский центр может похвастаться таким народонаселением. Тем сложнее моя задача. Иголку в стоге сена искать трудно, а если стог большой, то и вовсе тяжело. Но искать надо. И начать следовало с визитов к местным властям – не только из соображений политеса, но и в надежде, что визиты эти для предстоящих поисков окажутся полезными.

Через час была намечена моя встреча с царицынским городским головой. О ней я договорился, позвонив в канцелярию управы из Санкт-Петербурга. Дума располагалась совсем неподалёку, на Соборной площади, рядом с Успенским собором. Оставалось время, чтобы перекусить и немного прогуляться.

Посетив буфет на первом этаже (и найдя его вполне сносным), я съел салат, свиную котлету с картофельным гарниром и запил скромный обед чаем. На выходе заинтересовался у конторщика:

– А что, любезный, у вас тут в гостинице безопасно?

– В каком смысле изволите интересоваться?

– Завтра ко мне приедет помощник, а у него фотокамера. Аппарат дорогой. Можно ли оставлять в номере или лучше в камеру хранения сдать? У вас тут есть, я заметил.

– Это как вам угодно. А вообще у нас воровства в номерах отродясь не бывало. Репутацию, знаете ли, соблюдаем, – сообщил конторщик значительно.

Вот и славно. А то у меня среди вещей тоже есть кое-что, для посторонних глаз и уж тем более карманов не предназначенное.

На улице палило солнце, и лишь лёгкий ветер кое-как разгонял жару. Неторопливо идя к управе и помахивая папкой с бумагами, я думал, как там дела в столице. Оставил я дома беременную жену Лизу. Мы ждали первенца, и в этом смысле командировка в Царицын была совсем некстати. Конечно, рядом с Лизой были и тесть с тещей, и мои родители, да и я надеялся вернуться до родов. Но всё же было как-то неспокойно.

2

Городская управа располагалась в приземистом двухэтажном Г-образном здании белого кирпича и делила его с городской же думой. Чиновник из канцелярии препроводил меня в приёмную головы. Спустя несколько минут я уже входил в просторный кабинет царицынского мэра, как сказали бы в Англии, или – на немецкий лад – бургомистра.

Мэр-бургомистр-голова Алексей Иосифович Остен-Сакен происходил из обрусевших остзейских немцев и носил гордый титул барона. Несмотря на дворянское звание, был он земским доктором и лечил людей в Саратове и Царицыне. Но вот несколько лет назад избрали его гласным³ городской думы, а затем и руководителем города. И бывший врач кинулся в нескончаемый водоворот хозяйственных и бытовых проблем, которых не перечесать – хоть в Царицыне, хоть в Кинешме, хоть в Новочеркасске.

Встав из-за стола, Алексей Иосифович встретил меня энергичным рукопожатием. Благожелательно улыбнулся. Указал на стул и сел напротив. Был он невысок и крепок, кончики усов задорно торчали пиками, редящие волосы зачёсывал назад, от чего высокий лоб казался ещё выше.

– В канцелярию звонили насчёт вас из редакции «Санкт-Петербургских ведомостей», – сказал он звучным баритоном. – Чем могу служить столичной прессе?

В голосе звучал искренний интерес, что и не удивительно – газеты уважают. В какой-то мере побаиваются. И втайне мечтают увидеть своё имя на газетной полосе – разумеется, по хорошему поводу.

Вместо ответа я достал из папки лист бумаги с грифом «Санкт-Петербургских ведомостей» и подал голове. Остен-Сакен прочитал вслух:

– «Многоуважаемый Алексей Иосифович! Предъявитель сего литератор и журналист Рязанцев Виктор Петрович направляется в Царицын Саратовской губернии для подготовки серии очерков на темы развития местной промышленности, торговли, городского хозяйства, культуры и повседневной жизни обывателей. Просим оказать господину Рязанцеву необходимую организационную поддержку и помощь в сборе материалов для будущих публикаций. С наилучшими пожеланиями, редактор Блинов...»

Отложив письмо, Остен-Сакен обласкал меня растроганным взглядом.

– Давно пора! – сказал с торжественной ноткой. – Царицын наш, Виктор Петрович, интересен и уникален. О нём писать и писать. Один трамвай чего стоит! Вот вы уже видели наш трамвай?

– Да, по пути в управу.

– А знаете ли вы, что Царицын – единственный уездный город во всей империи, в котором есть собственный трамвай?

– Впервые слышу.

– Вот то-то! Но это не всё.

Он стремительно достал из ящика стола объёмную книгу.

– Это путеводитель «Волга» за 1911 год, – пояснил он, открывая заложенную страницу. – Издан у вас в столице. Вот что пишут: «Царицын, недавно еще похожий на большую деревню, принял вид значительного города, его набережная укреплена и по своей солидности и виду одна из лучших на Волге». – Захлопнул книгу и победно посмотрел на меня. – Значительный город, каково? У нас сам Шаляпин гастролировал! Второе место в России держим по грузо-перевозкам после Нижнего Новгорода! Недурно для уездного города, а? Дайте срок, мы ещё Саратов переплюнем!

³ Гласный (*устар.*) – депутат.

С таким энтузиазмом – непременно... Судя по предоставленной справке, был Остен-Сакен человеком толковым, деятельным, рачительным и, что важно, в злоупотреблениях не замешанным. Стало быть, можно рассчитывать на его порядочность. И я этим намеревался воспользоваться.

– Так чем могу вам помочь в работе, Виктор Петрович? – продолжал голова. – Готов оказать всё возможное содействие. Обозначьте, какое именно... Если курите, курите.

Гостеприимным жестом пододвинул пепельницу. Бьюсь об заклад, в этот миг в уме его проносились приятные картины. В высоких (а может, и в высших!) кабинетах читают очерки о достижениях «русского Чикаго» на Волге, опубликованные популярной газетой. И не просто читают, а одобрительно кивают головами. И не просто кивают, а берут талантливого градоначальника на особую заметку...

– Ваше содействие мне очень понадобится, – заверил я. – Но сначала прошу ознакомиться с моими полномочиями.

Голова удивился.

– Полномочия? Не совсем понял. – Он ещё раз пробежал глазами письмо редактора. – Какие полномочия могут быть у литератора, кроме редакционного задания?

Я достал из папки и подал Остен-Сакену ещё одну бумагу. На этот раз с грифом военного министерства.

Озадаченно сдвинув густые брови, Алексей Иосифович углубился в письмо.

– «Податель сего капитан военной контрразведки Рязанцев Виктор Петрович...» – превравшись, недоумённо взглянул на меня. Я ответил кивком головы. – Гм!.. «...командирован в Царицын Саратовской губернии для проведения специальных действий и мероприятий негласного характера. Ввиду особой важности порученного задания должностным лицам города предлагается оказывать капитану Рязанцеву В.П. по его запросам всё необходимое содействие. Подпись: начальник особого делопроизводства при отделе генерал-квартирмейстера Генерального штаба министерства обороны генерал-майор Монкевиц...»

Закончив чтение, Остен-Сакен положил оба письма рядом. Усмехнулся. Разгладил усы.

– Получается, первое письмо липовое? – деловито осведомился он, закуривая длинную папиросу.

– Скажем так, это письмо для прикрытия моего приезда в город, – пояснил я. – Не могу же я нагрянуть и заняться своими делами с бухты-баракхты. У обывателей сразу вопросы: кто, почему, зачем? А так – корреспондент столичной газеты готовит серию материалов, а для этого разъезжает, встречается, беседует...

– Да ясно, ясно, – отмахнулся Алексей Иосифович. – Очерков, значит, не будет...

Я лишь виновато развёл руками: мол, простите великодушно.

– А прибыли вы, должно быть, из-за Данилова? – сказал вдруг Остен-Сакен.

Я молча кивнул. Умён был градоначальник и соображал быстро. Да, я приехал из-за Данилова. Хотя и не только из-за него.

Тело майора Данилова нашли в одном из бесчисленных городских оврагов рядом с Волгой. Обнаружили его окрестные мальчишки, спозаранку собравшиеся на рыбалку.

Почти одновременно, однако в нескольких верстах (и тоже в овраге), нашли ещё один труп. Покойного опознали как Парфёна Сорокина, и был Парфён при жизни побирешкой. Сидел на папертях многочисленных царицынских соборов, ходил по дворам и просил подать Христа ради – тем и жил.

Царицын город немаленький, и случалось в нём всякое. Но два убийства подряд – это что-то из ряда вон. И хотя на первый взгляд преступления между собой были не связаны, связь между ними всё-таки существовала, хотя и не очевидная, практически никому не известная.

Майор Данилов был сотрудником контрразведки, моим коллегой и старым товарищем. Парфён Сорокин – его осведомителем. Считать одновременное убийство обоих простым сов-

падением моё начальство отказывалось, и в этом я был с ним полностью согласен. Не бывает таких совпадений. Да и убили одинаковым способом – ножом в сердце, ударом со спины. А учитывая характер долгосрочного задания, которое Данилов выполнял в Царицыне, я приблизительно догадывался о мотивах расправы. И от этого становилось ещё тревожнее.

Само собой, соображениями насчёт убийства я с Остен-Сакеном делиться не стал. Ни к чему. Сказал о другом:

– Как вы догадываетесь, Алексей Иосифович, задача мне поставлена секретная. (Голова даже замахал руками: мол, всё понимаю.) Я – человек государев и дело у меня соответствующее. Излишне говорить, что ни малейшей огласки оно не терпит. Представляюсь вам в истинном качестве лишь по необходимости и всецело полагаюсь на вашу порядочность...

– Это вы насчёт того, чтобы я не болтал лишнего? – перебил Остен-Сакен. – Обещаю, даже не думайте. – Потёр кончик носа. – Так чем я могу помочь? Вы же не просто так себя рассекретили.

– Для начала отдайте зарегистрировать в канцелярии письмо из редакции, – попросил я. – Пусть все знают, мол, в город прибыл столичный журналист из влиятельной газеты, чтобы воспеть Царицын. Так сказать, укрепим легенду прикрытия. Хорошо бы и вам между делом в том или ином обществе похвастаться, что, дескать, целые «Санкт-Петербургские ведомости» обратили на нас внимание. По городу такие вести быстро разойдутся.

– Это несложно. Дальше?

– Прошу с завтрашнего дня выделить мне для разъездов по городу и окрестностям экипаж. Лучше закрытый. Мотив простой: создать журналисту все условия для работы, лишь бы потом написал, как надо. Может, недели на две-три, а то и на три-четыре, – как пойдёт.

– Решим. Дальше?

– Завтра в первой половине дня прошу пригласить к себе полицмейстера, а во второй – командира Аварского пехотного полка, который у вас расквартирован. Предлог любой. На встречах буду я. Представите меня им как есть, а я уж переговорю с обоими по своим делам.

– Снова рассекретитесь?

– А куда деваться? Их помощь наверняка понадобится. Возьму слово, что не разгласят...

– С редактора газеты, который вам дал письмо, тоже взяли слово?

– Взяли, взяли. Хотя из патриотических соображений он не возражал. Знает, что не в бирюльки играем.

– Ну, и молодец! – подытожил Остен-Сакен. – А я так и вовсе лицо должностное.

– В дальнейшем могут возникнуть и другие просьбы, – предупредил я.

– Возникнут – не стесняйтесь...

С этими словами он вызвал секретаря и вручил ему редакционное письмо для регистрации. А заодно велел пригласить на десять часов завтрашнего утра полицмейстера Подшибякина и на два часа пополудни командира пехотного полка полковника Буймистрова.

3

На первом этаже «Столичных номеров» располагались магазины, ресторан и даже товарная биржа. Ну, биржа меня не интересовала, а в ресторан я вечером спустился, чтобы поужинать и обдумать дальнейшие действия.

Расторопный официант принёс мне соленья, расстегаи, осетрину с хреном и предупредил, что бифштекс надо будет обождать минут двадцать. А чтобы не скучалось, щедро украсил стол графинчиком с коньяком. Однако, несмотря на соблазнительные запахи и вид закусок, мысли мои от гастрономии были далеки.

Данилов проработал в Царицыне около восьми месяцев. Его задачей было негласно надзирать за строительством артиллерийского завода на северной окраине города. Подчеркну: негласно. Официальная охрана объекта, разумеется, существовала и работала. Но в её ведении находилось лишь поддержание порядка и недопуск на стройку посторонних. Главным она не занималась – не её компетенция.

Дело в том, что по сведениям нашей службы, к строительству завода проявляла большой интерес разведка Германии – вот главное. Данилов должен был обеспечить секретность и безопасность объекта в целом. С учётом масштабов стройки задача выглядела неподъёмной. Около трёх тысяч рабочих, почти пятьсот конторщиков, тридцать инженеров, – под неформальный присмотр надо было взять целую армию. А то, что в рядах этой армии затаились вражеские лазутчики, сомнений не вызывало.

В помощь Данилову в Царицын направили ещё одного нашего сотрудника – поручика Бабушкина. Оба они формально были прикомандированы к штабу Аварского пехотного полка, расквартированного в Царицыне, но при этом работали совершенно автономно. Тем не менее завтра, на встрече с командиром полка полковником Буймистровым, я рассчитывал получить кое-какие сведения касательно своего погибшего товарища. И, само собой, планировал встретиться с Бабушкиным.

Завтра же я ожидал приезда своего помощника. Рассудив, что одна голова хорошо, а вторая не помешает, Монкевиц распорядился придать мне в помощь прапорщика Афонина из оперативного подразделения. Я только обрадовался. Надёжный мужик Алексей Афонин отличался пудовыми кулаками, быстро соображал и умел фотографировать. Роль фотографа при столичном журналисте по нему прямо-таки плакала. И, ко всему, был превосходным шифровальщиком.

Неожиданно мои размышления были прерваны довольно-таки шумным образом.

Ресторан «Столичных номеров» наверняка пользовался в городе популярностью. Просторный зал был почти полон. Публика, судя по виду, собралась состоятельная. Хорошо одетые мужчины с приятными дамами (или без них) основательно ели и пили, чинно беседовали, слушали вполне приличный оркестр, состоявший из скрипки, виолончели и рояля. Время от времени на подиум выходила нестарая миловидная певица в платье с блёстками и бархатным голосом пела про любовь и разлуку. Что ещё надо человеку, желающему отдохнуть и приятно провести время?

Но, как выяснилось, кое-кому душевной обстановки было недостаточно.

За пару столиков от меня ужинали двое солидных мужчин (судя по сходной внешности, – братья), а вместе с ними дама в белом платье. Все трое о чём-то вполголоса беседовали, не забывая отдавать должное обильным закускам и напиткам, а также прислушиваясь к музыке. Подозвав официанта, один из мужчин вручил парню купюру и жестом показал на подиум. Официант метнулся к певице. Пошептавшись, женщина кивнула, что-то сказала музыкантам, и трио заиграло знаменитый романс «Белой акации гроздь душистые». Говорят, сам Николай Второй не мог слушать его без слёз.

Целую ночь соловей нам насвистывал,
Город молчал и молчали дома.
Белой акации гроздь душистые
Ночь напролёт нас сводили с ума...

Певица исполняла песню хорошо, с душой и трепетом. Отставив рюмку, заказчик подпер голову ладонью и слушал с полужакрытыми глазами. Время от времени он смахивал набравшую слезу – должно быть, с белой акацией его связывали какие-то воспоминания. Второй мужчина сочувственным жестом положил ему руку на плечо. Дама в белом платье растроганно кивала.

Сад был умыт весь весенними ливнями.
В тёмных оврагах стояла вода.
Боже, какими мы были наивными!
Как же мы счастливы были тогда!
Неожиданно в переливы бархатного голоса врезался чей-то грубый бас.

– Кончай это декадентское нытьё наяривать! Давай чё-нить повеселее! «Ухарь-купец» давай! Плачу вдвое!

Встав из-за столика, кричал высокий бородатый мужчина в светло-сером костюме-тройке дорогого сукна, судя по голосу, уже основательно разогретый выпитым и съеденным. Ему подкакивал сидевший рядом человек помоложе, также одетый хорошо и недёшево.

Грубо прерванная певица замолчала. Вслед за ней умолк и оркестр. Публика тоже приотмолкла, с интересом (а кое-кто и с опаской) поглядывая на буяна. В наступившей тишине человек, заказавший «Белую акацию», поднялся и, бледный от гнева, неторопливо направился к столику обидчика. Следом за ним пошёл и предположительный брат.

– Саша! Вася! Я вас умоляю!.. – испуганно сказала им в спины дама в белом.

Обидчик и обиженный встретились лицом к лицу.

– Ты что же это, Григорий Нестерович, мою песню нарушил? – спросил обиженный, и голос его не предвещал ничего хорошего.

– А не нравятся мне твои душевные сопли-вопли, Александр Васильевич, – сказал бородач с ухмылкой. – Моей натуре чё-нить повеселее надобно! – И, повернувшись к музыкантам, гаркнул: – Ну, чего молчим? «Купца» давай! Втрое плачу!

Оркестранты нерешительно переглянулись. Один даже нервно облизнулся. Певица пожалала плечами.

– Попробуйте только! – пригрозил музыкантам любитель «Акации», не повышая голоса, но все услышали. – А ты, Григорий, не буйствуй, добром прошу. Сначала пусть мою песню сыграют, а потом уж твою, коли так приспичило.

Буян свинтил кукиш, блеснув при этом массивным алмазным перстнем на среднем пальце.

– А вот хрен тебе, Сашка! – заявил нагло. – Моя песня всегда первой будет!.. А коли хочешь свой сироп слушать, найми собственный оркестр и пусть наяривает до полного твоего посинения!

Он явно нарывался на скандал. Сидевший рядом мужчина помоложе засмеялся.

Терпение обиженного лопнуло. С невнятным возгласом он схватил обидчика за грудки. Сидевший рядом человек вскочил и тут же попал в руки второго брата. Назревала серьёзная потасовка.

– Ну вот, снова-здорово! Опять Репины с Серебровыми стенка на стенку! – сказал кто-то под ухом.

То был официант с подносом, на котором благоухал заказанный бифштекс.

– И часто у вас так? – спросил я, кивая в сторону поединщиков.

– Ни боже мой! – заверил официант. – Заведение у нас благопристойное, лучшее в городе. Но вот как Репины и Серебровы столкнутся в одном ресторане, так тут и содом с гоморрой. Это они после заседания биржевого комитета пришли поужинать, не иначе. У них, извольте ли видеть, старая вражда...

– Знаю, знаю, – перебил я, вспомнив рассказа словоохотливого извозчика насчёт неудачного сватовства и гвоздильного завода. – Так надо за полицией послать, они же друг другу морды набьют...

– Непременно набьют, это уж будьте благонадёжны. Опять же выпивши, разгорячившись... В первый раз, что ли? И полицию, небось, метрдотель уже вызвал. Только она в таких случаях не очень-то спешит. Миллионщики между собой бьются – ну как встретить? Себе дорожке.

Между прочим, публика в ресторане на стычку никак не реагировала и разнимать драчунов не собиралась. То ли привыкли, то ли вслед за полицией не спешили вмешиваться в купеческую баталию. Вот тебе и цивилизация! Чистый Островский!..

Раздался глухой звук удара и треск разрываемой ткани. Дама в белом испуганно вскочила.

– Они же искалечат друг друга! – умоляюще закричала она, ломая руки. – Остановите их, господа!

Господа за столиками вмешиваться не спешили, ограничиваясь осуждающими репликами. Не было у них настроения лезть в чужую ссору. «Я ужинать пришёл, а не драку разнимать», – проворчал кто-то у меня за спиной. Один было поднялся, но тут же был решительно усажен своей дамой. «Без тебя разберутся», – прошипела она кавалеру ласково. Пара официантов нерешительно попытались разнять потасовщиков, апеллируя к Господу нашему Иисусу Христу и Божьей Матери, но без успеха, если не считать успехом удар по уху одному и в глаз другому.

Умоляющий взгляд дамы в белом остановился на мне. Я невольно расправил плечи. Но что я мог? То есть, конечно, мог, однако начинать посещение незнакомого города с участия в потасовке было бы неправильно. Или, наоборот, правильно?.. Молва о смелом журналисте, кинувшемся разнимать драку царицынских нотаблей⁴, мигом разнесётся по городу и укрепит легенду. А глаза у дамы в белом были бирюзовые и такие красивые!..

Поклонник «Белой акации» пропустил удар в челюсть и болезненно вскрикнул. Пошатнулся. С криком «Саша! Саша!» – дама в белом простёрла руки и шагнула по направлению к месту битвы. Я вздохнул – выбора не было. Встав, деликатно придержал женщину за локоть.

– Присядьте, мадам, сейчас я всё улажу.

И решительно вклинился в драку.

Многих обманывает моя внешность: среднего роста, худощав. Правда, плечи широкие. Со стороны не угадаешь, что руки у меня весьма сильные, да и на остальные части туловища не жалуюсь. Многие годы посещал я столичный «Кружок любителей атлетики» доктора Краевского, и был у него любимым учеником. Добавлю, что в контрразведке натренировал я специальные приёмы боя, особенно японские, которые стали популярны в России после войны, – служба... В общем, аргументы для поединщиков у меня были.

Первым делом растолкал я в разные стороны Александра Васильевича с Григорием Нестеровичем, а потом и вторую пару. Громко сказал:

– Довольно, господа! Уймись! Имейте совесть! Вы в публичном месте и мешаете другим отдыхать! Если уж так припекло, выясняйте отношения на безлюдной территории!

Красноречие моё пропало даром. Бородатый Гришка, совершенно расвирепев, схватил со стола бутылку и вознамерился огреть меня по голове. Ну, на войне, как на войне. Перехватив

⁴ Нотабль – здесь: почётное лицо, представитель высших кругов.

руку с бутылкой, я мигом вывернул её и ткнул согнувшегося буюна носом в блюдо с бужениной. Каюсь – жестоко ткнул. Не люблю, понимаете ли, когда мне пытаются проломить голову. А чтобы Григорий не дёргался, твёрдо придерживал свободной рукой затылок, схватив за густые тёмные волосы.

Купец Серебров (а это, конечно, был он) придушенно взвыл. Купец Репин (второй поединщик) обидно захохотал и даже закашлялся от смеха.

– Так его! – рявкнул, переводя дыхание.

Сотоварищ Сереброва кинулся на выручку. Напрасно. Отняв руку от темноволосого затылка, я несильно ударил его в горло. Даже не то, что ударил – чиркнул ребром ладони, как учил сэнсей⁵ на тренировках. Но этого оказалось достаточно, чтобы тот сел на пол, хватаясь за кадык и трагически пуча глаза.

– Отпусти, паскуда! – прохрипел Григорий.

– Охотно! – хладнокровно сказал я, ослабляя хватку. – Но при условии, что вы успокоитесь и не будете распускать руки и язык. Здесь дамы.

С этими словами я его отпустил. Выпрямившись, Серебров люто огляделся вокруг. Со щёк и бороды свисали прилипшие куски жирной буженины. Грянул общий смех – публика от души веселилась, наблюдая знатного купца в столь непрезентабельном виде.

При звуках смеха лицо Сереброва перекошилось, и я понял, что миллионщик совершенно озверел. Ну, так и есть. Схватив со стола нож, купец с нечленораздельным воем кинулся на меня. Кто-то истерически вскрикнул. Репин инстинктивно отпрянул.

Вот тут я окончательно рассердился. Можно было бы вышибить из Гришки дух, нашлись бы у меня для этого два-три приёма, тем более что драться тот не умел – брал силой и нахрапом. Но калечить или, тем более, убивать дурака я не собирался. Поэтому я просто увернулся от занесённого ножа и крепко сжатым кулаком ударил в солнечное сплетение.

Подавившись криком, Серебров скорчился. Рухнул на колени. Завалился на бок и стих, суча ногами. Боже, какой идиот! Хуже того – дикарь. Островский до такой сцены не додумался бы. А если бы я не прошёл специальную тренировку? Мог бы и зарезать, скотина!

Дама в белом послала мне воздушный поцелуй и крикнула:

– Браво!

К моему смущению, публика разразилась аплодисментами. До чего же, видно, Серебров достал окружающих своими необузданными выходками. Наверняка боялись связываться с богатеем, и тот от безнаказанности осатанел.

Тут наконец-то в зале появились городовые, вызванные метрдотелем. Бьюсь об заклад: убедившись, что часть работы я за них уже сделал, все трое вздохнули с нескрываемым облегчением.

Когда протокол был составлен, пришедшего в себя Сереброва увели в экипаж. Очухавшийся купец оглядывался и дарил мне яростные взгляды. Подошёл Репин.

– Эк вы его отделали! – сказал одобрительно. Пожал руку. – Теперь будет знать, как себя вести в приличном месте.

– Надеюсь, – сказал я коротко. – Должен же был кто-то привести его в чувство.

– Да я бы и сам привёл, но годы уже не те. В молодости-то подрался, подрался... А Гришка всегда был здоровый, как бык! – Купец наклонил голову. – Репин Александр Васильевич, купец первой гильдии, из местных! А это – брат мой Василий Васильевич. (Не ошибся я, стало быть.) А это сестра наша Юлия Васильевна!

Дама в белом протянула изящную руку в ажурной перчатке.

– Вы храбрец! – сказала она чарующим сопрано. – Мы вам, право, обязаны.

⁵ Сэнсей (*япон.*) – учитель, наставник.

– Рязанцев Виктор Петрович, – представился я в свою очередь, поцеловав тёплую, пряно пахнущую духами руку. – Литератор и журналист. По заказу «Санкт-Петербургских ведомостей» буду готовить очерки о Царицыне. Специально приехал сегодня в ваш город.

– Да ну? – вскричал Репин. – Чертовски интересно! А знаете что? Завтра ждём вас на ужин. Вот мой адрес. – Извлёк из нагрудного кармана и вручил мне визитку. – Тут, кстати, недалеко, на Пушкинской. Должен же я отблагодарить вас за помощь и отвагу!

– Помилуйте, Александр Васильевич, вы мне ничего не должны...

Юлия Васильевна одарила меня ласковой улыбкой.

– Брат неточно выразился, – сказала она. – Разумеется, никто никому не должен. Мы просто хотим познакомиться поближе. Возможно, будем чем-то полезны в вашей будущей работе. Ждём к семи!

– Заодно объясним, из-за чего сыр-бор возник, – добавил Василий. – А то вы, небось, решили, что в провинции народ совсем дикий, из-за песни побоище устроили. А тут, Виктор Петрович, всё не так просто!

Да знал я уже, знал, из-за чего побоище возникло. Но промолчал. Ограничился полупоклоном.

Репины ушли.

Вернувшись к своему столику, я нашёл бифштекс совершенно остывшим. Впрочем, есть уже расхотелось. Я позвонил официанта.

– Принеси счёт, любезный.

– Никакого счёта! – внушительно сказал подошедший метрдотель. – Сегодняшний ужин за счёт заведения. В знак уважения и признательности за ликвидацию скандала!

Ну, что ж, будем считать – сэкономил командировочные...

Спать я лёг пораньше и думал, что Сереброва, сватавшегося к Юлии Репиной, понять можно – девушка очаровательна. Лицо с тонкими, правильными чертами и большие глаза цвета бирюзы. Однако на чистый лоб уже легли первые морщинки, а уголки рта грустно опустились вниз, что говорило о пережитых невзгодах. Возможно, эта красивая молодая женщина успела столкнуться с потерями и разочарованиями.

Как там сейчас Лиза?.. Беременность она переносила хорошо, а всё же сердце моё было не на месте. Днём из гостиницы я телеграфировал, что добрался, что всё нормально, что люблю и скучаю. В ответ получил телеграфный отчёт о самочувствии, настроении, ожидании скорейшего возвращения. Хорошо бы, конечно...

Завтрашний день обещал стать насыщенным. Встречи с полицмейстером и командиром полка, сообщение Монкевицу о первых шагах в Царицыне, приезд Алексея Афонина, ужин у Репиных... Наверняка случится что-то ещё. И некогда будет скучать. Хотя когда в служебных разъездах бывало скучно?

Засыпая, думал о Данилове. Андрей был опытным офицером, сполна хлебнувшим трудных ситуаций и опасных передраг. Как же могло получиться, что он не заметил у себя за спиной убийцу? Почему потерял осторожность? Что с ним происходило в последний вечер? Это и многое другое предстояло выяснить в Царицыне.

«Русский Чикаго», как и его американский тёзка, таил множество криминальных загадок. И не только криминальных – иначе я здесь не появился бы. Хотя, по практике, криминал и разведка порой ходят совсем рядом, рука об руку...

Глава вторая

1

Царицынский полицмейстер Николай Трифонович Подшибякин производил впечатление человека энергичного и неглупого. Мне рассказали, что в начальники он выбился из полицейских дознавателей (считай, бывший сыщик), преступный мир города знал досконально и ситуацию в Царицыне контролировал неплохо. Массивный, высокий, крупнолицый, косая сажень в плечах – ни дать ни взять, шериф «русского Чикаго».

Познакомив нас, Остен-Сакен предложил для беседы свою комнату отдыха, примыкавшую к кабинету. Там и сели, после чего я представился и показал письмо Монкевица. Нельзя сказать, что полицмейстер уж так сильно удивился. Как и голова, он тут же связал мой приезд с убийством Данилова.

– Понятное дело, – сказал он, покусывая длинный ус. – Не кого-нибудь упокоили – старшего офицера, государева человека. Самое дело для контрразведки: кто да что, да почему... – Вздохнул. – Только зря вы приехали, Виктор Петрович. Это не по вашей части. Тут в чистом виде уголовщина.

– Вы так думаете?

– Конечно. Убийство есть, а крамолы нет. Разбираемся.

Уверенность полицмейстера производила впечатление, однако меня не убеждала.

– Прошу обосновать, – сказал я коротко.

– Можно и обосновать. Убили майора Данилова, царство небесное, явно с целью ограбления. В карманах пусто. Ни бумажника, ни часов, ни даже носового платка. Одет был чисто, прилично, а это, считайте, для душегуба прямая наводка – можно пожить. Покойник был телом крепок, сам карманы не вывернул бы. Что остаётся? Подкрался убийца сзади и ножом в спину. А тело спихнул в ближайший овраг, чтобы глаза не мозолило. Вот и вся песня, – заключил он. – Ничего антигосударственного. И поважнее людей убивают.

Замолчал, выжидательно глядя на меня. Логика в словах Подшибякина, подкреплённая большим полицейским опытом, была. Однако согласиться с ним я не мог.

– Если рассматривать убийство Данилова само по себе, то ваша версия насчёт грабежа вполне правдоподобна, – сказал я. – Но тут не всё так просто. Имя побирушки Парфёна Сорокина вам что-нибудь говорит?

Подшибякин прищурился.

– Говорит, отчего же, – обронил он. – Был убит практически одновременно с Даниловым, и найден вскорости же... А откуда вы знаете?

– Сообщили, – ответил коротко.

Ну, знал-то я из донесения поручика Бабушкина, отбитого Монкевицу после двойного убийства по горячим следам. Предстояло раскрыть полицмейстеру кое-какие детали, которые в обычной ситуации знать ему не полагалось. Но теперь деваться было некуда.

– Не вижу связи между Сорокиным и Даниловым, – сказал Подшибякин хмуро. – Где офицер и где побирушка? По времени совпало, так мало ли что бывает...

– Ой ли? Как я понимаю, для уездного города убийство – событие нечастое, а двойное убийство и вовсе из ряда вон, верно? – Подшибякин кивнул. – Стало быть, считать его делом случая было бы неправильно. Это, во-первых. А во-вторых, связь между Сорокиным и Даниловым есть... была.

– Это какая же? – изумился полицмейстер.

– Данилов, как и я, был офицером контрразведки, – сообщил я с глубоким вздохом. – В Царицыне он выполнял специальное долгосрочное задание, о котором говорить мы не будем. Я и его службу не упоминал бы, но, не зная подоплёки, дело не раскрыть.

Полицейстер уставился на меня в полном недоумении.

– Удивили, однако, – произнёс после паузы. – И тут контрразведка...

– Так точно! А Сорокин был его осведомителем. Прикажете считать одновременное убийство секретного офицера вместе с помощником простым совпадением? Да ещё одинаковым способом?

Вопрос был риторический. Подшибякин сильно потёр лоб.

– Сдаётся мне, у вас есть свои соображения по этому делу, – проворчал он. – Так поделитесь, вместе будем думать.

– Есть, есть... Мотив ограбления, думаю, можно забыть. Карманы у Данилова очистили для отвода глаз. Картина представляется иной. Сорокин выяснил что-то важное и назначил встречу. Данилов на эту встречу пошёл. Но некто неизвестный настолько опасался сведений Сорокина, что встречу не допустил. Осведомителя убрали, а следом и Данилова.

– А его-то зачем? – перебил полицейстер, слушавший с большим интересом. – Достаточно было прихлопнуть одного Парфёна. Унёс бы сведения на тот свет, и точка.

Я покачал головой.

– Данилов, лишившись осведомителя, легко догадался бы о мотиве преступления и начал свой сыск – не столько из-за убийства Сорокина, сколько ради выяснения, что за сведения тот не успел передать. А сведения наверняка были важные, коли из-за них убили человека! В общем, Данилов для злоумышленника мог стать очень опасен.

– А сведения эти, надо полагать, по вашей части, по шпионской, – остро сказал Подшибякин, с хитринкой, взглянув из-под густых бровей.

– Разумеется. Иные Данилова не интересовали.

– И выходит, что с помощью этих сведений майор какого-то шпиона мог вывести на чистую воду. Ну, или шпионов.

– Полагаю, что да.

– Не сходится, Виктор Петрович! – заключил Подшибякин задумчиво, откидываясь на спинку стула.

Я насторожился.

– Что не сходится, Николай Трифонович?

– Да ведь оба убийства чисто уголовные! Не пуля, не яд – нож в спину! Да и нож не простой. Судя по ранам, клинок длинный, прямой, чуть ли не насквозь пробил покойников. Не могу я представить шпиона, который с таким ножом разгуливает по городу. И пуще того, умеет этак бить. Он же по другой части! У него работа тонкая, умственная.

Я с трудом удержался от смеха.

– В точку, Николай Трифонович, – сказал я, стараясь говорить серьёзно. – Сами шпионы ножами работают редко. Но что мешает тому же шпиону нанять уголовника и за хорошие деньги заказать убийство опасного человека?

– Возможная версия, – согласился полицейстер. – Но для этого надо, чтобы у шпиона были с преступниками надёжные связи. К ним ведь просто так, с улицы, не зайдёшь. Замкнутая, знаете ли, корпорация, похлеще британского джентльменского клуба. Нужно время и целенаправленные усилия. Стало быть, шпион либо местный, либо долго здесь прожил...

– ...либо завербовал местного человека, у которого такие связи есть, – закончил я. – Возможны все три варианта. И в любом случае мы должны найти убийцу. А потом как следует с ним поработать, чтобы назвал заказчика.

Я замолчал, пытливо глядя на Подшибякина. Как ни крути, искать убийцу предстояло именно ему. А Подшибякин между тем поднялся, неторопливо прошёлся по комнате и полез в карман за портсигаром. Я терпеливо ждал.

– Вообще-то, есть у меня кое-какие мысли, – сказал наконец полицеймейстер.

– Слушаю с чудовищным интересом!

Полицеймейстер пыхнул папиросой и посмотрел чуть лукаво.

– У меня, Виктор Петрович, на весь город и семидесяти полицейских не наберётся, – сказал неожиданно. – Есть, правда, ещё дознаватели, есть канцелярские чиновники, но и тех шиш да маленько. На всё про всё меньше ста человек. Есть, конечно, ещё филёры, но то разговор отдельный... А порядок – неплохой, заметим, – я исправно поддерживаю и преступления раскрываю. Как, по-вашему, это удаётся?

Я лишь пожал плечами, хотя догадывался.

– Осведомители! – многозначительно изрёк полицеймейстер. – У меня в каждой шайке, в каждой «малине» свои человечки. Само собой, в трактирах и банях – там, знаете ли, много чего можно услышать. Стучат исправно, и я их привечаю. Кому денег дам, кому послабление за дела несправедные или помогу в чём. Считайте, вольнонаёмные сотрудники! – Довольно хохотнул. – И вот рассказывали мне, что есть у нас в Царицыне любопытный субъект...

Как и в каждом крупном городе, территорию Царицына делили между собой банды. Были тут «бутырские», «сенные», «яндовища», «балаганы». Михаил Рыбаков по кличке Мишка Рыбак был из «таганов», верховодивших между рекой Царицей и улицей Ростовской.

В банде своей Мишка работал наособицу. Воровать, грабить, мошенничать – это всё не про него. Был Рыбак убийцей и убивал виртуозно. Родом из крестьян, проживал он в деревне Липовка Царицынского уезда и слыл знаменитым на всю Липовскую волость забойщиком свиней. Любого хряка мог завалить с одного удара, сунув нож под лопатку в самое сердце. Дело хорошее – всегда и сыт, и пьян, и нос в табаке. Но чего-то вольной душе не хватало.

Заскучав в своей Липовке, Мишка однажды рванул в Царицын. А почему нет? Семьёй не обзавёлся, никто за ноги не держал. А поскольку работать не любил и никакого дела не знал, быстро прибил к «таганам». Пахан, оценив мастерское владение ножом, назначил Рыбака главным по «мокрым» делам. Время от времени требовалось убирать недругов или опасных свидетелей, а то и хозяев толстых бумажников. Трупы при этом «потрошили» другие «таганцы» – Мишка своё мастерство на такие мелочи не разменивал. А долю свою и без того имел. Подкрадывался незаметно, бил стремительно и только в сердце, исчезал молнией. И был неуловим.

– Про Мишку этого я вспомнил, когда мне докладывали результаты вскрытия Данилова и Сорокина, – говорил Подшибякин, закуривая новую папиросу. – Судя по характеру нанесённых ран, оружие в обоих случаях явно одно и то же, и сила удара сопоставимая. Человека убить ножом, знаете ли, только в полицейских романах пустяк. В жизни для этого нужен хороший навык, набитая рука нужна – опять же сильная. Рыбак подходит по всем статьям.

Замолчав, вздохнул.

– А известно, где этот персонаж обитает? – задал я очевидный вопрос.

– Известно, отчего же, – ответил полицеймейстер без энтузиазма. – Я, как о нём вспомнил, так сразу уточнил – на всякий случай. Живёт в доме Кругликова на улице Заовражной, комнату снимает. Это сразу за Царицей... А толку?

– То есть как это? Что мешает задержать?

– Ничего не мешает.

– Задержать и тряхнуть как следует!

Полицеймейстер скривился.

– На основании чего задержать, я уж не говорю – тряхнуть? Далеки вы от наших дел, Виктор Петрович, уж не взыщите. Формально он чист. За руку его не ловили, обвинений ника-

ких не предъявляли. – Помолчав, Подшибякин добавил с оттенком насмешки. – Ну, конечно, если плюнуть на закон, арестовать просто так и зажать в тиски мужское достоинство... Вы это предлагаете?

Я не обиделся. В моей работе обидчивость вообще противопоказана. А вот располагать к себе людей необходимо. Поэтому я обаятельно улыбнулся и сказал:

– Каюсь, Николай Трифионович, служу по другому ведомству, сморозил по неопытности. Но вот скажите... – Я выдержал интригующую паузу. – Предположим, взяли вы Рыбака с поличным, прямо на месте преступления с ножом в руке. Что тогда? Можем мы с ним, оттолкнувшись от задержания, поработать по интересующему нас делу? Плотно поработать?

Подшибякин потёр большие ладони. Хищно оскалился.

– Да об этом только мечтать! Расколлот бы до селезёнки с печенью. Для такого случая и тиски нашлись бы... Да шучу, шучу! – добавил он быстро, заметив, что я нахмурился. – Он у меня и без тисков заговорил бы, душегуб. Но как?..

Я многозначительно поднял указательный палец.

– Есть у меня одна идея, может, и завиральная. Я вам сейчас её изложу, а вы уж оцените как специалист. И если годится, то давайте сразу и диспозицию сочиним...

Внимательно слушая меня, Подшибякин задумчиво хмурил брови, и я не мог понять, что он думает по поводу моего предложения. А когда закончил, полицмейстер энергично раздавил папиросу в пепельнице и протянул руку.

– Очень интересно, – оценил он. – Риск, понятное дело, есть, но разумный. И в принципе реально. Давайте-ка поедem ко мне и планчик прикинем – так сказать, в деталях. Кто, что, где... А я бы, с вашего позволения, пригласил своего дознавателя Соколова. Гроссмейстерская голова, будет полезен.

2

Особняк купца Репина располагался на улице Пушкинской – в самом центре города. Сидя с братьями и сестрой за столом в просторном обеденном зале, я с любопытством оглядывался. Богатство дома ощущалось во всём – в солидной тяжеловесной мебели тёмного дерева, в изысканном паркете, в картинах на стенах, обрамлённых золочёными багетами, в тонком фарфоре посуды.

Стол был хорош, хозяйева гостеприимны, а их сестра в тёмно-синем платье с кружевной отделкой очаровательна. Лебединую шею обнимала нитка жемчуга, тонкое запястье правой руки было схвачено жемчужным же браслетом, на левом безымянном пальце мерцал изумрудный перстень, гармонировавший с большими бирюзовыми глазами Юлии. Вот только были те глаза невеселы, да и выглядела она осунувшейся.

Для полноты картины следует упомянуть, что, кроме братьев и сестры, за столом присутствовала престарелая тётушка Мария Прокофьевна. Впрочем, в разговоре она почти не участвовала (хотя в поглощении блюд с неожиданным для её возраста аппетитом очень даже участвовала) и периодически задрёмывала. Идеальная дуэнья⁶.

На белоснежной скатерти теснились многочисленные закуски из мяса, птицы, рыбы, овощей. Про вина, водки, коньяки и наливки я уже молчу. Всего через полчаса я пожалел, что человеческий желудок не безграничен, а ещё через полчаса со страхом вспомнил, что впереди горячее и десерт.

Хозяйева сочли необходимым рассказать о подоплёке происшествия в ресторане. Историю появления гвоздильного завода в центре Царицына я уже знал, однако пришлось выслушать снова с самым сочувственным видом.

– Хоть взрывавай этот завод! – закончил со вздохом Репин-старший, цепляя вилкой кусок осетрины. – Юлия Васильевна, почитайте, у себя в доме и не живёт. Какая может быть жизнь, когда под ухом такой шум? Вот, приютил у себя. – Похлопал сестру по руке. – И не та беда, что приютил, чай, не объест, а дома жаль. С любовью строили, только вышел чистый убыток. – Сестра нахмурилась. – Думали, Юлия Васильевна мужа со временем туда приведёт, семейно обоснуются... – Хозяин усмехнулся. – Вот с тех пор мы с братцами Серебровыми и на ножах, особенно с Гришкой, старшим.

– Да-а... – протянул я участливо. – И что же, нет на них управы?

Махнув рукой, Репин налил нам с братом и себе шутовского, а сестре и тётушке «Шпетбургундера».

– Вроде есть, а вроде и нет... Штука в том, Виктор Петрович, что равновеликие мы. Капиталы, влияние, общественный вес – всё ноздря в ноздю. Опять же, благотворим соразмерно и много. Насчёт завода правота наша, но и Серебровых в городе обидеть не хотят. Вот суды и выносят решения в нашу пользу, однако смотрят сквозь пальцы, что Гришка их не исполняет. Штрафы, конечно, платит, да что ему штрафы! Хоть государю-императору жалуйся. Другого давно в кутузку упекли бы...

– Власти, к тому же, завод этот трогать остерегаются, – добавил Репин-младший. – Город строится, растёт, как на дрожжах, гвозди на вес золота!

– А вы ещё один такой же поставьте, – посоветовал я. – И дело прибыльное, и Григорию нос утрёте.

Александр Васильевич одолел рюмку одним глотком. Усмехнулся.

⁶ Дуэнья (*устар.*) – понятие, которое в Испании и испаноязычных странах означало пожилую женщину, воспитательницу девушки или молодой женщины. Она сопровождала подопечную и следила за её поведением.

– А что, мысль! – оценил, вытирая губы салфеткой. – Слышь, Василий? Надо подумать. Учиним Гришке конкуренцию, а?

Василий Васильевич вдруг захохотал.

– Эх вы его давеча мордой в буженину ткнули-то! – сказал сквозь смех. – Теперь Серебров позору в городе не оберётся!

– Поделом ему, – холодно заметила девушка, сжав кулачок.

Ну, как девушка... Незамужний статус – да, но лет ей было уже под тридцать. А то и больше. Похоже, следила за собой (средства позволяли) и вполне могла выглядеть моложе настоящего возраста. Удивительно, что не замужем. Между прочим, с характером. Вон как глаза-то сузились, когда о Гришке-обидчике заговорила.

Беседа свернула на меня.

– Какие планы в нашем городе? – осведомился Репин-старший благодушно.

– Буду писать очерки о Царицыне, – сообщил я, отодвигая пустую тарелку и жестом показывая служанке, что вторую порцию жаркого из свинины в соусе бешамель не осилю, хоть пристрели. – Проедусь по вашим заводам, коммерческим фирмам, ресторанам, театрам. Присмотрюсь к архитектуре, быту, нравам. Само собой буду встречаться и беседовать с людьми. Собираю материал, одним словом... Думаю, с месяц тут у вас поживу.

Братья переглянулись.

– В части коммерческих фирм можем оказать консультацию, – сказал старший, значительно кашлянув.

– Не премину обратиться, – заверил я с благодарным наклоном головы. – Впрочем, в канцелярии градоначальника уже составляют список наиболее интересных и важных для посещения объектов.

Ездить по объектам я, конечно, собирался. Этого требовала журналистская легенда. Но, главное, этого требовало моё задание.

Оставив Юлию, перешли в курительную комнату. Репины зажгли сигары, я ограничился папиросой. Кроме кресел и столика, комнату украшала просторная кушетка, на которую так и тянуло прилечь после мучительно-роскошного ужина.

– А где это вы так ловко драться научились? – спросил уже малость захмелевший Александр Васильевич, развалившись в кресле и пуская клубы ароматного дыма. – Гришка тот ещё бугай, его одолеть тяжело.

Я рассказал о многолетних занятиях в атлетическом и борцовском кружках.

– Молодцом! – оценил старший. Привстав, по-свойски хлопнул меня по плечу. – Люблю боевых! Эх, Василий, нам бы такого шурина, а? Так бы и окрутил их с Юлей! Да вижу по кольцу – женаты вы уже.

– Женат, женат... Но отчего ж именно я? Простите, не поверю, что у Юлии Васильевны нет поклонников. Такая видная барышня из хорошей семьи и, надо полагать, приданым не обижена.

Братья переглянулись.

– Всё так, Виктор Петрович, – проворчал Репин-старший. – И семья хорошая, и приданым не обижена, и собой краса писаная. А вот не везёт ей в жизни, хоть убей.

– Что ж так? Впрочем, с моей стороны было бы неделикатно вторгаться в семейные темы.

– Пустое! Весь город знает. Не мы, так другие расскажут... – Александр Васильевич взял со стола графинчик и разлил коньяк. – Был у Юлии жених, поручик-пехотинец. Уже и свадьбу готовили, да грянула русско-японская. Ушёл он туда со своим полком и не вернулся. Многие тогда не вернулись, и он тоже, упокой господи храбрую душу! – Пригорюнившись, перекрестился и хлебнул из хрустальной рюмки. – Уж как Юлия Васильевна убивалась, не передать. Боялись мы, что руки на себя наложит. Но ничего, со временем успокоилась. Только стала как

ледяная – на мужчин с тех пор смотреть не может. Кто к ней только ни сватался, и всем от ворот поворот. Гришке Сереброву тоже...

Я с интересом слушал историю Юлии, и становились понятны ранние морщинки на лбу, грустно опущенные уголки губ, выражение печали в глазах.

– Лет уже чуть ли не десять прошло, и стала сестрица оттаивать, – продолжал Репин. – Жизнь, известное дело, своё берёт! На балу полгода назад познакомилась с достойным человеком, заинтересовалась, а там и влюбилась. Мы со своей стороны его тоже приветили – в гости стали приглашать. На природу едем, в загородный дом или там в театр – опять же с собой зовём. А они, стало быть, у нас на глазах милуются. Человек не бедный, родители почтенные, имение своё. Да бог с ним, с именем! Что ж мы, сестру без куска хлеба оставим? – Василий энергично кивнул. – Уже и помолвились... Да вот не судьба.

Мучительно закричал. Кулаком, по-простому, вытер неожиданную слезу. Я деликатно отвёл глаза.

– Убили жениха-то нашего, – продолжил Василий вместо брата. – Ночью шёл по улице, и сволочь какая-то сунула нож в спину. Как, что, почему – непонятно. Только нет больше человека. И снова Юля наша одна...

Я чуть не подскочил.

– Беда-то какая! – произнёс медленно, внутренне подобравшись. – А знаете, что-то в этом роде мне рассказал коридорный в гостинице. Я его спросил, спокойно ли тут у вас в Царицыне. Тот ответил, что, мол, вообще спокойно, да вот недавно человека на улице ночью зарезали. Офицера какого-то. И даже фамилию назвал, только не припомню...

– Данилов была его фамилия, – сказал Репин-старший мрачно. – Андрей Евгеньевич. Офицер, да, в майорском звании.

– За сестру боимся, – добавил Василий. – Так-то, по видимости, держится, и не плачет почти. А в душе небось одни головёшки. Всегда была такая романтическая натура – и стихи любила, и на рояле играла. А теперь как отрезало. Ведь уже второго жениха похоронила. Что за напасть такая? За что ей?..

– А женское сердце, что ни говори – оно вешее, – добавил Репин-старший. – Незадолго до убийства пригорюнилась вдруг, да так и ходила недели две. А накануне даже обронила, что не судьба ей быть с Даниловым. Мы уж и так, и этак – успокойся, мол, с чего такие мысли? Молчит. Гордая она у нас, вся в мать...

Я только вздохнул. Так, значит, Данилов был женихом Юлии? Неожиданный нюанс. Имеет ли он какое-то отношение к моему расследованию – вот вопрос.

В курительную комнату заглянула Юлия и позвала пить чай. Мы вернулись за стол. Был торт с шоколадной шапкой, цукатами и прочими кандибоберами, было всевозможное варенье, были фрукты, конфеты, мороженое и ещё что-то было – сладкое, вкусное, благоухающее. Тётушка Мария Прокофьевна даже встрепенулась. Глаза разбегались, челюсти устали жевать, желудок просил пощады. А Юлия с усталой улыбкой всё потчевала, потчевала...

Прощались тепло. Репины просили заезжать попросту, без затей. Пожимая руку, старший брат вдруг сказал негромко:

– А давайте-ка, Виктор Петрович, я к вам своего человечка приставлю, пока вы здесь, в городе.

– Что за человечек? – спросил я с удивлением.

– Человечек хороший, надёжный, зовут Прошка. Ну, как Прошка... Весит шесть пудов, а бьёт на все десять.

– Помилуйте, да зачем?

– За надом! Вы думаете, Гришка Серебров забудет, как вы его перед публикой опозорили? Над ним сейчас весь город хихикает! А ну как захочет сквитаться?

Я хмыкнул.

– Ну, пусть на дуэль вызовет.

– Дуэль... Да он такого слова не знает! А послать пару-тройку своих оглоедов поздоровее, чтобы вам бока в тёмном переулке намяли – это запросто. Уж такой человек. И что вы после этого о Царицыне сочините?

Я с благодарностью отклонил предложение, заверив, что защитить себя вполне могу и сам. Забота Репина-старшего тронула, однако передвигаться по городу в сопровождении шестипудового Прошки не улыбалось. Лишние глаза и уши в моём деле ни к чему.

Покинув особняк Репина, я окунулся в темноту южного вечера, пронизанную мягким теплом и неповторимым ароматом свежей зелени скверов и цветников. Центр Царицына был приятный. Правда, за его освещёнными пределами начинались районы убогих домов и домишек, несчётных оврагов и грязных улочек, бедности и уголовщины. По крайней мере, так мне рассказывали. Да и Остен-Сакен честно говорил, что состояние царицынских окраин оставляет желать много лучшего. На благоустройство и развитие городской территории вечно нет денег.

От Репина до моей гостиницы было недалеко, с версту. Шагая неторопливо, я вспоминал сегодняшний разговор с помощником покойного Данилова поручиком Бабушкиным. Невразумительный вышел разговор, а в чём-то и странный.

Познакомившись у Остен-Сакена с командиром Аварского пехотного полка полковником Буймистровым, проехал я с ним в расположение части. Полк занимал большую огороженную территорию недалеко от центра города, на стыке улиц Воронежской и Нижегородской. Кабинет Данилова с Бабушкиным располагался на втором этаже двухэтажного штабного корпуса. Штабные с интересом и удивлением косились на человека в штатском – меня, то есть, который в сопровождении начальника шёл по служебным коридорам. Выяснилось, что о деятельности прикомандированных к нему офицеров Буймистров почти ничего не знал, но это и понятно – майор и поручик были подотчётны лишь управлению Монкевица. Подробности работы я рассчитывал узнать у Бабушкина.

Уж не знаю, как у них складывалась общая служба, но только внешностью они были полной противоположностью друг другу. Данилов напоминал Печорина, каким его описал в «Герое нашего времени» Лермонтов. Лет тридцати с небольшим, среднего роста, стройный, крепкий, был Андрей черноус и чернобров. Фигура отличалась изяществом, лицо – тонкими аристократическими чертами. От пристального взгляда полуприщуренных карих глаз женщины млели. На свою беду, не устояла и несчастная Юлия Репина...

Что касается Бабушкина, то был он коренаст и приземист, а лицом прост, стрижен коротко. Нос картошкой, скулы широкие, глаза под густыми бровями маленькие и глубоко посаженные. Словом, не Аполлон. Да и бог с ним – в нашем деле внешность чем зауряднее, тем лучше.

Для начала я предъявил Бабушкину свои полномочия. Вообще-то были мы вприглядку знакомы – иногда сталкивались на оперативных совещаниях и в служебных кулуарах. Но формальность есть формальность. Пока Бабушкин изучал письмо Монкевица, я огляделся. Комната как комната – небольшая. Два рабочих стола, стулья, несгораемый шкаф для хранения документов. Телефонный аппарат с длинным шнуром. Для городской квартиры – роскошь, а для служебных надобностей контрразведчика – незаменимый инструмент.

Начались вопросы-ответы о работе Данилова. Какие меры предпринимал для обеспечения безопасности вверенного объекта – артиллерийского завода? Часто ли бывал на стройке? С кем поддерживал отношения? И так далее, и тому подобное. Бабушкин отвечал скупой, глядя в сторону. Похоже, чего-то не договаривал. При внешнем спокойствии чувствовалась в нём внутренняя напряжённость. Ощущение было такое, что говорить он не хочет. Не то чтобы именно со мной, а вообще на эту тему. Через четверть часа невнятной беседы я уже был готов спросить в лоб – в чём причина его сдержанности? Однако не стал – не хотелось с ходу обострять отношения. Да и пора было ехать на вокзал, чтобы встретить Алёшу Афонина.

– Ну, вот что, Павел – извините, отчество запомнил...

– Просто Павел, господин капитан.

– Просто Виктор Петрович. Напишите мне подробно о работе вашей и Данилова за восемь месяцев пребывания в Царицыне. Отдельно – список осведомителей. Охарактеризуйте каждого. При каких обстоятельствах завербован, что собой представляет, насколько полезен, много ли платите. Отдельно – справка по Данилову. Образ жизни, контакты, увлечения, мера интереса к женщинам и к спиртному. Полагаю, за восемь месяцев вы его должны были неплохо изучить. Излишне говорить, что излагать надо совершенно объективно, как есть... было.

Бабушкин бросил на меня хмурый взгляд.

– Целое служебное расследование, – сказал как бы сам себе с бледной улыбкой.

– Даже не сомневайтесь, – отрезал я, поднимаясь. – И не забудьте приложить ваше мнение по поводу возможных мотивов убийства. На все сочинения даю два дня. Теперь... Текущую деятельность продолжайте, но из расположения полка надолго не отлучайтесь, можете понадобиться. Я остановился в «Столичных номерах», комната четырнадцать. В номере есть телефон, если что-то срочное – звоните. Пока всё...

И вот теперь, припоминая разговор, я вдруг подумал: рассказывая о Данилове, Бабушкин и словом не обмолвился, что тот собирался жениться. Сам не знал? Это вряд ли. Женитьба дело серьёзное, от ближайшего помощника такое вряд ли скроешь. Не хотел говорить? А почему? Опять же непонятно... Посмотрим, что напишет в справке.

3

К югу за рекой Царицей, рассекавшей город надвое и впадавшей в Волгу, располагался нищий квартал, именуемый Кавказом. Бог весть, почему его так назвали. Кавказ считался в Царицыне дном города. Узкие кривые улочки заросли грязью. По ночам из бедных домишек с крохотными подслеповатыми оконцами выходили на промысел лихие люди-«таганы». Чистая публика сюда не совалась вообще, а в поздний час и подавно.

Однако человек, неторопливо шагавший по центральной улице Кавказа (единственной прямой во всём квартале), выглядел вполне прилично. В наступающей темноте светлел солидный серый пиджак, обтягивавший крутые плечи и корпулентное туловище. На ходу человек помахивал небольшим кожаным портфелем. Следом шли два крепких молодца, одетых попроще – по виду охрана.

– Третий день ходим, а толку нет, – сказал один другому. Сплюнул. Споткнулся о какой-то камень и выматерился.

– Велено, вот и ходим, – заметил второй глубокомысленно. – Не зудит. Чай, ноги не отвалятся.

Первый хотел было огрызнуться, но не успел.

Из переулка наперерез маленькой группе рванулись три тени. Первые две, мигом очутившись возле охранников, занесли над их головами дубинки. Послышался звук ударов и надсадное хаканье. Третья тень метнулась к человеку в сером пиджаке и молниеносно всадила нож в спину.

Но тут произошло нечто странное. От такого удара человек должен был свалиться замертво. Однако он устоял. Больше того, отбросив портфель, обернулся и схватил руку с ножом. Резко выкрутил. Швырнул убийца носом в пыль и для верности придавил коленом. После этого, сунув свободную руку в карман, выхватил свисток и засвистел на всю округу.

Из домишка с перекошенной крышей, как черти из табакерки, посыпались люди во главе с широкоплечим верзилой. Доставая на ходу оружие, они кинулись к месту схватки, но там уже всё было кончено. Убивец, придавленный тяжёлым коленом к земле, стонал от боли в безжалостно вывернутой конечности. Длинный прямой нож валялся рядом. Двое сотоварищей пребывали примерно в том же состоянии. Их дубинки на головы охранников так и не опустились. Ловкие молодцы от ударов сумели уклониться и быстро отбили нападавшим всё, до чего смогли дотянуться.

– Как вы, Алексей? – крикнул я, задыхаясь от бега и волнения.

Человек в сером пиджаке поднял голову и расплылся в улыбке – надо признать, несколько напряжённой.

– Да всё нормально, Виктор Петрович, не переживайте, – откликнулся он, поднимаясь.

Верзила, он же полицмейстер Подшибякин, присел на корточки возле закованного в наручники убийца и осветил лицо фонарём. Рядом присел дознаватель Соколов.

– Ну вот, Миша, и попался ты на горячем! – рыкнул полицмейстер удовлетворённо.

– Говоря по науке, взят с поличным при покушении на убийство, – добавил Соколов. – Свидетели есть.

– Теперь не взыщи, ответишь на всю катушку, – продолжал Подшибякин. – Это Мишка Рыбак, из «таганов», тот самый, – добавил специально для меня. – А эти двое – так, мелочь. Ну, своё тоже получают.

Рыбак молча сопел, щурился от света фонаря. Я с интересом разглядывал убийцу. Так с виду и не скажешь. Ростом невелик, сложением щупл, вывалянной в пыли физиономией благообразен. Только в глазах бился лютый огонёк. Никак он не мог сообразить, почему так вышло. Ведь не промахнулся же он, никогда не промахивался!

Поднявшись, Подшибякин приобнял за плечи стоявшего рядом Алексея.

– Орёл он у вас, как есть орёл! – сказал уважительно. – Не знаю, как в вашем ведомстве принято, а я бы наградные выписал от души!

– Это даже не сомневайтесь, – заверил я, в свою очередь обнимая скромно молчавшего Алексея. Дознаватель Соколов от души стиснул его руку.

Да, без Афонина операция не состоялась бы. Орёл и есть!

План, предложенный мной Подшибякину и доработанный вместе с ним и Соколовым, можно было назвать ловлей на живца.

Через своих людей полицмейстер распустил слух, что некий столичный фабрикант-миллионер надумал ставить в Царицыне текстильную мануфактуру. Для этого заслал в город своего доверенного человека. Тот выбрал место в южной части города и теперь ходит по окрестным домам с предложением продать их вместе с участками. Потом все купленные домовладения будут снесены, а на освободившемся месте построят предприятие. Доверенный человек цену даёт хорошую, а подписав договор с хозяином жилья, платит сразу и наличными. Деньгами набит по самое некуда, потому и ходит с охраной.

Версия была правдоподобная. Скупка домов якобы предполагалась в квартале Кавказ, который контролировали «таганы». Мог ли пахан банды пропустить мимо ушей слух о человеке с большими деньгами, разгуливающим по его территории? Организация вооружённого налёта была вполне предсказуема – ограбления с убийством толстосумов в истории «таганов» случались не раз. А коли так, без Мишки Рыбака никак не обошлось бы.

Приехавший в Царицын Афонин без колебаний согласился сыграть роль доверенного человека. Физическая сила, оперативный опыт, боевые навыки – всё было при нём. Но как обеспечить безопасность его и двух переодетых городских в роли охранников? На этот случай Подшибякин выдал из арсенала городской полиции специальные жилеты, спереди и сзади обшитые металлическими бляхами. От пули уберегли бы вряд ли, а вот от удара ножом – вполне. С чем Мишка Рыбак и столкнулся. Удар-то у него был выверенный, сильный, только вот нож отскочил от металла, не причинив Алексею ни малейшего вреда. Ну а городские быстро скрутили двух подручных убийцы.

Алексей со товарищи гулял по Кавказу три вечера, прежде чем случилось нападение. Надо полагать, «таганы» присматривались, оценивали ситуацию. Не знали они, конечно, что в заброшенном домишке на отшибе засели полицейские во главе с Подшибякиным. Алексей со своими людьми старался не уходить от подкрепления слишком далеко. Для вида посещал ближайшие дома, разговаривал с хозяевами, торговался – как и положено приказчику. В конечном счёте «таганы» клюнули...

Когда бандитов увели, я почувствовал, что сильно устал. Три полубессонные ночи, напряжение, страх за Афонина – всё навалилось разом.

– Поехали в гостиницу, Алексей, – сказал я героическому прапорщику. – Это дело надо отметить. Не каждый день такую рыбу ловишь. Вот Николай Трифонович нам какую-нибудь тележку даст, и поедем. А, Николай Трифонович?

– Дам, дам... А завтра к десяти утра пожалуйста на допрос. Будем с Мишей беседы беседовать. А может, и не только с ним. И не столько с ним.

Я внимательно посмотрел на Подшибякина. Вид у него был вполне серьёзный. Да и какие могут быть шутки после такого дела на ночь глядя?

– А с кем же ещё? – спросил я осторожно.

– Кое с кем посерьёзнее, – сказал Подшибякин нехотя. – Миша – что? Убивец, конечно, знатный. А так-то пескарь пескарём. Или вы думаете, что Данилова он убил по собственному хотению? Не-ет! Тут ещё было щучье веление... Верно я говорю, Герман Валерьянович?

Дознаватель Соколов молча кивнул.

Глава третья

1

Мы с Подшибякиным смотрели на Рыбака, а он тупо смотрел в пол. По-моему, он толком не понимал, чего от него хотят. Попался так попался – он же не отпирается. Отправляй дело в суд – и точка. Но полицеймейстер отчего-то медлил. Задав формальные вопросы для протокола, умолк. Уставился тяжёлым взглядом на Рыбака.

В кабинете нас было четверо: мы с Подшибякиным, Рыбак и горшочек с геранью на подоконнике. В суровом полицейском кабинете растение смотрелось неожиданно и трогательно. Время от времени полицеймейстер, не вставая из-за стола, протягивал длинную руку и мощной ладонью поглаживал горшочек по глиняному боку. Воистину – у каждого свои причуды. Царицынский шериф, например, любит герань!

Рыбак выглядел плохо. За ночь в камере он резко осунулся, под глазами легли тёмные круги, густая щетина зачернила бледное испитое лицо. Запах немывтого тела наполнил кабинет полицеймейстера, и тот, морщась, открыл форточку.

Убивец поднял руки, скованные наручниками.

– Мне бы воды, ваше благородие, – попросил сипло. – В горле пересохло, плюнуть нечем.

Усмехнувшись, Подшибякин плеснул в стакан воды из графина и подал Рыбаку.

– Ну, зачем так официально? Называй, как все, начальником... – Заметил, обращаясь ко мне: – Ещё и говорить не начинали, а уже в горле пересохло. – Взял у Мишки пустой стакан. Спросил участливо: – А что же с тобой через час будет, болезный? Через два-три?

Мишка дико взглянул на полицеймейстера.

– Какой час? Какие два-три? Во всём признаюсь, чего тянуть-то?

– Так ты признавайся, признавайся, – предложил Подшибякин лениво. С такой интонацией кот мог бы разговаривать с пойманной мышью. – А мы тебя внимательно послушаем.

– Ну, это... Сидим вчера с Филькой и Афонькой – с друзьями, значит, – и водку пьём. У Афоньки сидим. Филька в окошко выглянул и грит: гля, кто идёт! А за окошком человек мимо нашего дома ножками семенит, а при нём двое – вроде охрана. Это, грит Филька, тот самый. Какой тот самый, спрашиваю. Ну, который, у нас в округе дома скупает. На шиша, спрашиваю. А Филька мне, мол, его хозяин тут фабрику строить надумал. Приказчик дома покупает, потом снесёт к едрене-фене, вот и место для фабрики освободится. Так у него, верно, деньжата с собой имеются, говорю. Цельный портфель – это мне Филька бает...

– И тут вы с Филькой с пьяных глаз решили приказчика зарезать вместе с охраной, а портфель умыкнуть, – предположил Подшибякин задумчиво.

– В точку, начальник! – согласился Мишка. Пригорюнившись, поник головой.

– А что сказал Афонька? – продолжал допытываться Подшибякин с самым серьёзным видом. – Не возражал?

– А чего ему возражать? Сам голый да босый. Дружок опять же.

– Великое дело дружба. Один за всех и все за одного, – прокомментировал Подшибякин благодушно. – Продолжай.

– Ну, ещё по стакану приняли и на улицу кинулись. Догнали этих, значит. Я с ножом, Афонька с Филькой с дубинками. Бью приказчика в спину и понять не могу – нож от спины отскакивает! А охрана от Фильки с Афонькой отбилась и вяжет уже дружков моих. И мне тоже не легче – приказчик, сука, скрутил. А тут и вы со своими легашами выскочили! – Посмотрев на Подшибякина, Мишка быстро поправился: – Извиняйте! С полицейскими... Вот и вся песня.

Наступила пауза. Казалось, Подшибякин анализирует простую, как лопата, историю несостоявшегося убийства.

– Складная песня, – оценил он наконец, подкручивая ус. – Небось, всю ночь на нарах сочинял. И поёшь с душой. Так бы и поверил! Но – не верится.

– А что не так, начальник? – встревожился Мишка.

– Да всё не так, дубовая ты башка! То есть с ножом и дубинками вы и впрямь выскочили, а вот всё остальное... – Полицмейстер вздохнул. – Ты бы хоть подумал, почему нож твой человека не убил? А не убил потому, что надел тот человек специальный полицейский жилет с пришитыми металлическими бляхами. Он твоего удара ждал. И мы ждали, пока сидели в засаде. А перед этим сами слух распустили про приказчика с портфелем денег... – Подшибякин неожиданно подмигнул убивцу. – В общем, устроили мы на тебя, Миша, облаву. Именно на тебя! И ты попался. А байку свою – сидели, мол, тихо-мирно, пили водку, да вдруг бес попутал – засунь себе в задницу.

Рыбак нервно почесал скованными руками затылок. Наморщил низкий лоб в обрамлении жидких сальных прядей. Настороженно посмотрел на серьёзное лицо полицмейстера.

– Чёй-то мудрёно баешь, начальник, – сказал, откашлявшись. – Я и половины не понял. Облава какая-то по мою душу... Да на кой ляд я тебе сдался? Маленький-то человек?

– Не скромничай, Миша, не скромничай. Знаю я доподлинно, что первейший ты на весь Царицын убийца. В «таганах» состоишь. И потрошить приказчика ты собрался не с пьяных глаз, а потому что пахан велел! – Подшибякин многозначительно поднял палец. – Кстати! Я с тобой сразу, как задержали, разговаривал. Не пахло от тебя водкой и от твоих дружков тоже. И правильно, что не пахло – кто же на дело с пьяных глаз идёт? Это уж потом пьют, чтобы душу расслабить... Ну да ладно.

Подшибякин поднялся, обошёл стол и всей своей крупной фигурой навис над оцепеневшим Рыбаком. Сунул руки в карманы. Ну, чистый шериф! Ему бы ещё кольт и широкополую шляпу!..

– Я тебя, Миша, на суд с твоей байкой не пущу, даже не мечтай, – сказал он жёстко. – Ты у меня сидеть тут будешь долго. Хоть год!

– Это почему же? – выдавил бледный, как поганка, Рыбак.

– А я за это время все «мокрые дела» по городу подберу за последние... ты когда в Царицын перебрался, года три уже как?... ну, значит, за последние три года. Посмотрю, где людей били ножом со спины под лопатку. Ты один во всём городе так бьёшь, потому как отточил удар до полного совершенства. И пойдёшь ты под суд с целым ворохом убийств, а не с одним вшивым покушением. А это, мил человек, совсем другой приговор и совсем другая мера наказания... Сидеть! – гаркнул свирепо.

Привставший было Рыбак невольно сел и яро посмотрел на полицмейстера снизу вверх. На побледневших скулах заиграли желваки.

– Это ещё доказать надо, – произнёс наконец.

– Так ты уже сам всё доказал! – сказал вдруг Подшибякин почти весело. Вернувшись на место, достал из ящика стола продолговатый предмет, завёрнутый в тряпицу. Развернул. Предмет оказался ножом, коим Рыбак пытался убить Афонина. – Очень уж у тебя нож приметный. Вот, взгляните, Виктор Петрович.

Я присмотрелся. Действительно, нож был необычный. Да, собственно, и не совсем нож – переделка из четырёхгранного штыка, укороченного и посаженного на деревянную рукоятку.

– Ты только не рассказывай, что нож этот у Афоньки взял, когда на дело пошли, – предупредил Подшибякин. – Тут, видишь, на ручке две буквы выжжены – «М» и «Р». Михаил Рыбаков, значит. Ты с этим ножом всю липовские дворы обошёл, пока забоем свиней промышлял. А поскольку в деревне народец вороватый, решил ты клеймо своё на ноже поставить – целее будет. И в город с собой прихватил. Оружие-то ценное! Хоть свинью бей, хоть человека.

– Ну, мой нож! – окрысился Рыбак. – Пошёл водку пить, а сам думаю: возьму-ка с собой на всякий случай. В сапог засунул. Мало ли кто вечерами по улицам шляется... И чего теперь?

Подшибякин бросил на меня быстрый взгляд, из которого я понял: с прелюдией мы закончили и подошли к главному.

– Теперь, Миша, у нас с тобой одно из двух, – сказал полицмейстер неторопливо. Погладил горшочек. – И слушай меня очень внимательно, потому как скажу я тебе вещи очень важные для твоей будущей жизни. Совсем важные, понял?

Миша облизнул губы и кивнул.

– Вариант первый. Коли нож у тебя приметный, то и раны он оставляет приметные. Вот я и посмотрю «мокрые» дела за последние три года. Выберу те, где людей убивали ударом ножа со спины. Это твой почерк. Таких, думаю, десятка полтора наберётся. Договорюсь с прокуратурой, и трупы, что посвежее и разложиться не успели, эксгумируют...

– Чего? – выдавил совершенно обалдевший Рыбак.

– Ну, выкопают, – пояснил Подшибякин терпеливо. – А потом их доктора исследуют. Сверят полученные покойниками раны с контрольным следом от удара твоего ножа. Глубина поражения, конфигурация пробоя... Наука, понимаешь. Если данные совпадут, будет это главное и достаточное доказательство, что убийца – ты. И твоего признания уже не потребуется. – Выдержал паузу. – Скажу прямо: эксгумация – дело долгое и тяжкое. Но нам же с тобой торопиться некуда, верно? Зато потом, когда доктора всё докажут и напишут – тут уже пойдёт веселее.

Рыбак молча прикрыл глаза.

– За тяжкие предумышленные неоднократные убийства суд без разговоров влечет тебе, Миша, каторгу, – продолжал Подшибякин. – Пожизненную, естественно, как знатному душегубу. Первые восемь лет жить будешь в кандалах, а дальше в зависимости от поведения. Оно, конечно, и на каторге люди живут, но только безрадостно и недолго. По мне, уж лучше бы сразу повесить, чтоб не мучился...

Живописуя перипетии дальнейшей Мишкиной каторжной судьбы, Подшибякин, кажется, испытывал удовлетворение. И вряд ли из садистических мотивов. Просто он был искренне убеждён, что подобных Мишке Рыбаку надо уничтожать. Или, как минимум, навсегда убирать из общества. Каюсь – думал я точно так же. На каком свете был бы сейчас Алёша Афонин, если бы не благословенный полицейский жилет?

– Вот тебе, Миша, первый вариант, – заключил Подшибякин бодро. Помолчал. Испытательно посмотрел на подавленного убийцу. – Но есть и второй.

Рыбак поднял голову.

– Это какой же? – спросил негромко.

– Предположим, твою байку насчёт нападения с пьяных глаз на приказчика с деньгами я проглатываю. Да ты глаза не тарачи, ты слушай... Проглатываю и передаю в суд. Там тебе за покушение на смертоубийство без тяжких последствий назначат год тюрьмы. И всё⁷. По сравнению с бессрочной каторгой, считай, заново родился. Тебе какой вариант больше нравится?

Рыбак усмехнулся – криво и недоверчиво.

– Что-то уж больно складно получается, – скрежетнул он сквозь зубы. – И что ж я тебе, начальник, буду должен за такую благодать?

– Соображаешь, – сказал Подшибякин одобрительно. – Будешь, конечно. Сейчас ты мне, Миша, кое-что расскажешь. Не для протокола, заметь. – Он демонстративно отодвинул документ на край стола. – Полторы недели назад упокоил ты двух человек. Упокоил, упокоил... А будешь возражать, я ведь насчёт второго варианта могу и передумать. Один – чисто одетый

⁷ Виды и сроки наказаний за описываемые преступления взяты из Уложения об уголовных и исправительных наказаниях Российской империи от 1845 года. (Прим. авт.).

господин, другой – побирушка. Ну, побирушку мы пока трогать не будем, упокой господи его душу. А насчёт господина поговорим.

Он выложил веером на стол несколько фотографических карточек. Я их уже видел. Сфотографирован был на них труп Данилова с разных ракурсов. Привстав, Рыбак взгляделся в карточки.

– Так что надо-то? – спросил чуть слышно. Фактически это было признание.

– А надо мне, Миша, чтобы ты сказал, кто тебе поручил убрать этого человека, – произнёс Подшибякин доверительно. – Как на духу сказал. Соврёшь – пеняй на себя.

– Зачем тебе, начальник?

– А затем, чёрная твоя душа, что вляпался ты по самое некуда в страшное дело, – сказал Подшибякин, зловеще понижая голос. – Человек это был государев, старший офицер. И приехал к нам в Царицын по государственному делу. Вот, Виктор Петрович специально из столицы прибыл, чтобы в этом деле разобраться.

Я сделал мрачно-каменное лицо.

– Да мне почём знать? – закричал Мишка плачуще. – Я-то что? Сошка мелкая, подневольная! Мне сказали, я и...

Осёкся.

– А я тебя и не виню, – сказал Подшибякин, пожимая плечами. – За что тебя винить? Человек ты хороший, добрый, да... По своей воле и мухи не обидишь. Ведь так? – Убивец, не уловивший издёвки, часто и мелко закивал. – И получается, что, по сути, государева человека убил не ты, а тот, кто тебе приказал.

– В точку, начальник! – прохрипел Рыбак.

Полицмейстер задумался. Машинально приласкал горшочек.

– Кто ж тебя на душегубство толкнул? – спросил сочувственно. – Разве что со стороны кто-то денег дал и человека этого показал-заказал? А, Миша?

– Точно, со стороны, – выпалил Рыбак. Помолчал. – Подсел как-то ко мне в трактире незнакомый дядя. Немолодой, одет чисто, говорит складно. Графин выставил и закуски взял. Слово за слово, наслышан, мол, Миша, о твоём мастерстве лиходейном. Не возьмёшься ли пощекотать пером одного барыгу? Денег задолжал, а не платит...

Рыбак говорил, искательно заглядывая в глаза Подшибякину, а я с каждым словом всё сильнее ощущал фальшь. Миша плёл историю на ходу – делал в рассказе паузы, потел и на уточняющие вопросы полицмейстера отвечал невпопад.

– Врешь и не краснеешь, – подытожил тот, когда Рыбак, выдохшись, замолчал. – Чтобы такой уважаемый душегуб, как ты, взялся за нож по свистку первого встречного?! Кстати, а сколько он тебе посулил?

– Тридцать рублёв, – ответил Рыбак, помедлив.

– Ну, надо же! Полкоровы купить можно. Продешевил ты, Миша, не ценишь своё мастерство! – Хмыкнул Подшибякин. – А теперь рассказывай, как было на самом деле, кто тебя на того офицера натравил?

Но Рыбак, набычившись, молчал.

– Неужто забыл? Ну, так я тебе память освежу. – Перегнувшись через стол, Подшибякин посунулся к убийце. Спросил вкрадчиво: – Силантий, да?

Рыбак дёрнулся, как от электрического разряда.

– Не знаю никакого Силантия! – взвизгнул он.

– Ну, дела! От собственного пахана отрекаешься? – Подшибякин развёл руками. – Силантий Иванович Полушкин, Виктор Петрович, это почтенный трактирщик. Держит заведение на улице Заозёрной. Но главное – командует «таганями». В кулаке их держит. Этого тоже. – Он ткнул пальцем в Мишку.

Убивец с мукой во взоре уставился на полицмейстера.

– Отпусти в камеру, начальник, – сказал умоляюще. – Голова болит, ничего не соображаю...

– Отпущу, отпущу. Но сначала ты мне подробно расскажешь, где, когда и при каких обстоятельствах пахан велел тебе убрать офицера. Где, когда и при каких обстоятельствах ты его убил. То же самое – в отношении побирушки!

– Да зачем тебе этот побирушка?

– А затем, Миша, что этот побирушка работал на офицера. И пахан тебе наверняка велел убить обоих! Ты мне всё это расскажешь, я всё это запишу, ты распишешься. И ступай в камеру отдыхать. А я своё слово насчёт второго варианта сдержу.

Мишка аж подскочил.

– Так ты же обещал, что разговор не для протокола! – закричал он.

– Конечно, – подтвердил Подшибякин невозмутимо. – В протокол я впишу твою сказку насчёт нападения с пьяных глаз. А эта бумага – лично для меня.

– Ты ж, небось, пойдёшь с ней Силантия за жабры брать?

– Куда я с ней пойду – не твоего ума дело. Ты за Силантия не беспокойся. Ты за себя беспокойся. Год отсидеть в тюрьме или сгнить на каторге – вот и весь твой выбор.

Рыбак воздел к потолку скованные руки.

– Да если я такую бумажку подпишу, я и до тюрьмы не доеду! – истошно заорал он. – А доеду, так в тюрьме порешат!

– Риск есть, – согласился Подшибякин, малость помедлив. – Ты, кстати, не ори. Но я Силантию скажу, чтобы он тебя не трогал. Ни сам, ни через других. Ему твоя смерть боком выйдет, уж я постараюсь. А тебе, вообще, что терять? Бессрочную каторгу?..

Смотреть на Рыбака было страшно. Побагровевшее лицо его кривилось, челюсть дрожала, руки истерически ходили ходуном.

– Начальник, дай воды, – пробормотал он. – Всё нутро горит!

Подшибякин посмотрел на часы и с явным неудовольствием налил Мишке стакан.

– Давай быстрее, – велел он. – Нам ещё писаниной заниматься.

Рыбак принял стакан скованными руками. Опрокинул залпом. Огляделся диким взглядом.

– Хоть на каторге, хоть в тюрьме – всё одно пропадать! – сказал неожиданно.

И резким жестом разбил стакан о сиденье стула.

– Не смей! – заорал Подшибякин, вскакивая.

Однако Мишка, то ли смеясь, то ли плача, уже поднёс разбитый стакан с остро торчащими осколками к горлу. Завопил предсмертно. Сильно ткнул осколками в кадык.

Поскольку Мишкино самоубийство в наши планы не входило, я в стремительном прыжке перехватил руку с остатком стакана (острое стекло, слегка чиркнув по горлу, окрасились кровью). Затем сжатыми костяшками пальцев двинул убийцу в лоб. Закатив глаза, Мишка шумно рухнул навзничь вместе со стулом.

Подшибякин носком сапога отбросил разбитый стакан и склонился над Рыбаком.

– Всё нормально, Николай Трифонович, – сказал я, переводя дыхание. – Слегка поцарапался и всё. Жить будет.

– А жаль, – буркнул тот. – Будь моя воля, своими руками таких давил бы, как клопов. Но в конкретной ситуации... – Посмотрел на меня с благодарностью. – Ну, ты ловок! Выручил, Виктор Петрович! Если на глазах у полицмейстера убийца кончает жизнь самоубийством, сразу возникает вопрос о профессиональной состоятельности полицмейстера.

Подшибякин крикнул дежурных городовых. Вбежав, два дюжих парня подняли с пола очнувшегося Рыбака.

– В камеру! – распорядился полицмейстер. – Наручники не снимать! Приглядывать, чтобы руки на себя не наложил, мерзавец!

Мишку поволокли к выходу.

– Ничего подписывать не буду! – крикнул тот с порога, обернувшись. – И никакого Силантия не знаю! И про «таганов» не слышал! Выкуси, начальник!

С этими словами вылетел из кабинета, как пробка из бутылки шампанского. Это один из городских не стерпел наглости убийца и сильно ткнул его кулаком в спину.

Некоторое время мы с Подшибякиным без единого слова смотрели друг на друга. Закурив, полицмейстер устало опустился на стул и жестом предложил мне сделать то же самое.

– Ну-с, подведём итоги, – предложил он.

– Что ж подводить... Кажется, поздравить друг друга не с чем.

– Это, знаете ли, как посмотреть...

– То есть?

Подшибякин тихо засмеялся и погладил горшочек с геранью.

– Как вы думаете, Виктор Петрович, зачем вообще нужен был этот допрос, если, конечно, отбросить в сторону процессуальные формальности? Мы и без того практически знали, что Данилова с Парфёном убил Мишка. И что без команды пахана он этого не сделал бы. В банде, знаете ли, дисциплина железная.

– Гм... Действительно, зачем тогда время теряли?

– Очень я хотел получить от Мишки письменное показание, – признался Подшибякин, сильно затягиваясь. – А с документом в руке взять Силантия за горло. Но не вышло. Бойтся Мишка пахана хуже, чем огня. Его в округе все боятся. В этом смысле допрос не получился.

– Так что ж теперь делать?

Подшибякин демонстративно сжал увесистый кулак.

– Как что? Брать за горло без документа.

Я с сомнением посмотрел на полицмейстера. Конечно, с психологической точки зрения Мишка себя раскрыл полностью и, можно сказать, дал наводку на Силантия. Тут надо отдать Подшибякину должное – раскол. Но психологию к делу не пришьёшь.

– И как же мы заставим Силантия признаться, почему решил он убить Данилова? Или кто ему приказал это сделать? – подумал я вслух.

– Ну, Виктор Петрович! – Подшибякин сильно, до хруста потянулся всем телом. – Не попробуешь – не узнаешь. Не спросишь – не ответят. Вообще-то, у хорошего полицмейстера на все случаи жизни есть туз в рукаве. – Он добродушно оскалился. – А я, не считите за хвастовство, полицмейстер хороший!

Это я уже понял.

2

Утром, во время завтрака в полупустом буфете гостиницы, ко мне подошёл незнакомый человек. Указал на стул.

– Вы позволите?

– Прошу, – сказал я с внутренним недоумением – незанятых столов в помещении было не меньше полудюжины.

Усевшись, человек представился:

– С вашего позволения, Майер, Франц Майер. Торговый представитель фирмы «Зингер». Российская штаб-квартира компании располагается в Санкт-Петербурге, а я представляю её интересы в Саратовской и Астраханской губерниях.

Знаменитый «Дом Зингера» на Невском проспекте столицы я, конечно, знал. Ещё слышал, что фирма является крупнейшим в мире производителем швейных машин. Но я-то тут при чём?

– Я швейными машинками не интересуюсь, – предупредил в надежде сэкономить его и своё время.

Коммивояжёр всплеснул руками.

– Да помилуйте, о том ли речь? Хотя, может быть, ваша уважаемая супруга... – Скосил он глаза на моё обручальное кольцо. – Впрочем, неважно. – Кашлянул деликатно. – Надеюсь, я вас не отвлекаю от завтрака?.. Несколько дней назад за ужином в ресторане стал свидетелем вашей битвы с местным купцом Серебровым. Вы были бесподобны!

– Ну, так уж и бесподобен... – отмахнулся я с лёгким удивлением. Никак не ожидал с утра пораньше встретиться с поклонником своих скромных боевых навыков.

– Да, да! Хочу выразить своё восхищение. Вы его... как это говорят в России... знатно отметили! Это было великолепное зрелище!

Он сам-то понял, что сказал? Надо же – зрелище! Я ему что, гладиатор?..

Я повнимательнее глянул на Майера. Лет ему было примерно тридцать пять. Одетый в солидный светло-синий костюм и свободно говоривший по-русски, был немец высок, худощав и рыжеволос. От приятного веснушчатого гладковыбритого лица (портила его лишь по-лошадиному тяжёлая челюсть) веяло бодростью и здоровьем – кровь с молоком или с чем там у немцев, с пивом?.. Добродушный вид коммивояжёра внушал безотчётную симпатию, что и неудивительно. Вряд ли знаменитая компания доверила представлять свои интересы какому-нибудь Квазимодо⁸.

– Благодарю за комплимент, господин Майер, – сказал я, наклонив голову. На тарелке между тем быстро остывала баранья котлета в окружении зелёного горошка.

Немец взялся за голову.

– Что же это я? Разговорился и мешаю вам завтракать! Прошу извинить, господин... э... э...

– Рязанцев, – подсказал я. – Виктор Петрович Рязанцев. Журналист.

– Позвольте пожелать вам хорошего дня, господин Рязанцев. Мне уже пора ехать – дела, дела... Должен сказать, что в Царицыне и Сарепте у меня много клиентов. Кстати, отмеченный вами купец Серебров тоже мой клиент!

– Надеюсь, таковым и останется.

– Я тоже надеюсь... А знаете что? Я тут буду ещё несколько дней. Не поужинать ли нам как-нибудь вместе? Поговорим, выпьем?..

⁸ Квазимодо – персонаж романа Виктора Гюго «Собор Парижской богородицы», горбун, известный отталкивающей внешностью.

– Почему бы и нет, – ответил я нейтрально. Стрекотание коммивояжёра уже начало раздражать.

Немец ушёл. Клиентов у него тут много!.. А мне-то что за дело? Назойливый субъект. Между прочим, почему американская фирма «Зингер» наняла своим торговым агентом немца? Впрочем, компания торгует по всему миру – американцев не напасёшься.

Позавтракав, я поднялся наверх и постучал в номер Алёши Афонина. Боевой сотоварищ, посетивший буфет раньше меня, возился с фотокамерой. По легенде он был моим фотографом, что вполне соответствовало его страстному увлечению новым для России делом, на которое он не жалел ни денег, ни времени.

– Доброе утро, Виктор Петрович, – приветливо сказал Алёша, укладывая камеру в специальную сумку.

Сложенная тренога уже подпирала стену. Хорошая штука. И для съёмок нужна, и отбиться при случае можно – хоть от собак, хоть от людей. Мало ли куда занесёт нелёгкая фотографическая судьба.

Надевший пиджак Алексей без подкладки в виде полицейского жилета с металлическими бляхами выглядел уже не так корпулентно, как в ночь покушения, однако вполне внушительно – с такими-то плечами! Мы в управлении звали его между собой Алёша Попович. Совпадали не только имя и богатырская стать, но и происхождение по отцу-священнику.

Мы спустились вниз. Швейцар в опрятной ливрее предупредительно распахнул массивную парадную дверь. На улице, неподалёку от входа, ждал экипаж в виде неприметной тёмной кареты, запряжённой двойкой гнедых лошадок под управлением немолодого степенного кучера Маркела. Экипаж, как я просил, выделил Остен-Сакен. Признаться, давненько не ездил в каретах, но Царицын – не Санкт-Петербург. Сюда автомобильное колесо, можно сказать, ещё не докатилось. Судя по рассказам, на весь город насчитывался от силы пяток автомобилей, да и те царицынские толстосумы купили за бешеные тысячи больше для форса.

– Давай-ка в Нобелевский городок, – сказал я Маркелу, садясь в экипаж.

По моей просьбе Остен-Сакен составил небольшой список городских предприятий и достопримечательностей, которые непременно посетил бы столичный журналист, собирая материал для очерков о Царицыне. Нобелевский городок – местная штаб-квартира знаменитого нефтяного синдиката – в списке головы безоговорочно занимал первое место. Остен-Сакен лично звонил управляющему, чтобы тот принял меня и устроил экскурсию по своим владениям.

Ехать на северо-западную окраину города предстояло примерно час. Устроившись друг против друга и покачиваясь на мягких подушках, мы с Алексеем обсуждали поручика Бабушкина с его непонятным, чтобы не сказать странным, поведением.

Накануне мы с поручиком встретились в сквере на привокзальной площади. Одетый в штатское Бабушкин передал мне пакет со справками, которые составил по моему распоряжению. И вернувшись в гостиницу, я тщательно их изучил.

Начал со списка осведомителей. Он был довольно велик и насчитывал более двадцати человек. Три четверти из них работали на строительстве артиллерийского завода. В основном это были конторские служащие, а также два инженера и несколько десятников-строителей. Всё верно. Вполне приличный состав, позволяющий всесторонне контролировать ситуацию на возведении объекта.

Но это в теории. Как оно было на практике, как работали эти люди, Данилов уже не расскажет. Впрочем, Бабушкин уверял, что осведомители были вполне реальные и регулярно сообщали о положении дел на своих участках. Прежде всего присматривали за окружающими работниками, что тоже верно.

Справка о работе Данилова с Бабушкиным за период нахождения в Царицыне опять-таки особых вопросов не вызвала. Оба формально числились представителями военного министер-

ства, инспектирующими ход заводского строительства. Это позволяло им на законных основаниях регулярно бывать на объекте, встречаться с начальством, задавать вопросы и общаться с интересующими людьми. В общем, контролировать ситуацию лично.

По совокупности сведений от осведомителей и по собственным наблюдениям, Данилов неизменно докладывал Монкевицу, что ситуация на объекте нормальная и никаких тревожных признаков нет. Строительство идёт своим чередом, запланированные сроки выдерживаются, работники в массе своей благонадежны, попытки саботажа и диверсий отсутствуют.

«Так что вас смущает, Виктор Петрович? – допытывался Алексей. – Не верите его рапортам?» – «Да не то что не верю... Нет оснований не верить. Но как-то уж всё благостно. А ведь есть точные сведения, что немецкая разведка нашим заводом очень даже интересуется. И что же – даже не пытаются сунуть сюда нос? Внедрить своих людей, помешать строительству? Непохоже на них, обычно действуют хоть и аккуратно, но решительно...» – «Так сами же говорите, что аккуратно. Такую работу обнаружить трудно. Возможно, Данилов что-то проглядел...» – «Возможно...»

Однако больше всего меня заинтересовала справка по Данилову.

Покойного Андрея я знал неплохо. И работали вместе, и в командировки ездили, и сжижвали за столом не раз. Особого дружества не было, были хорошие приятельские отношения, позволявшие судить о человеке. Толковый офицер? Безусловно. Храбрый, умный, опытный профессионал? Разумеется. Личность, свободная от недостатков? Вот уж нет. Андрей был не дурак выпить и не чурался азартных игр. Жадностью не страдал, но деньги любил. Был очень равнодушен к прекрасному полу – возможно, потому и не женился. Сам по этому поводу балагурил, что прежде, чем идти под венец, надо как следует нагуляться.

Судя по рассказу Репиных, в Царицыне Данилов наконец-то нагулялся. Как иначе объяснить желание сочетаться с Юлией? С учётом внешности невесты и состояния её братьев выбор вполне логичный. Однако в справке Бабушкина о намерении начальника жениться не было ни слова. Не верилось, что за многие месяцы работы и общения поручик плохо узнал Данилова. Тем более что излишней скрытностью, насколько помню, тот не страдал. Тогда почему Бабушкин умалчивает о столь важном факте в жизни Андрея?

И вообще, судя по справке, Данилов в Царицыне исключительно работал. В промежутках между поездками на объект, встречами с осведомителями и составлением донесений Монкевицу ел и спал. Всё. Как проводил свободное время, где бывал, чем развлекался – непонятно.

Очевидная однобокость справки вызывала вопросы, которые я хотел задать Бабушкину при ближайшем randevу, и назначить это randevу я собирался в каком-нибудь малолюдном месте, чтобы никто не помешал обстоятельной беседе. Заодно хотелось бы выяснить, почему поручик держится так напряжённо (это бросалось в глаза), словно ждёт от меня какого-то подвоха. С чего бы?.. Наши пути никогда не пересекались и подлостей я ему никаких не делал.

Но главное, ржавым гвоздём в голове сидела плохая мысль. Данилова и Сорокина убивали не одновременно, а порознь. Не мог Рыбак за считанные секунды нанести свои коронные удары сразу обоим. Стало быть, одного убили до, а другого на месте несостоявшейся встречи. Вот и вопрос: кто мог знать о встрече Данилова с осведомителем – кроме покойных, естественно? Только Бабушкин...

Маркел постучал рукояткой кнута в стенку кареты. Я приоткрыл окошко.

– Приехали, ваше благородие, – доложил наш кучер.

С фасада нобелевская штаб-квартира отгородилась от Царицына высокой каменной стеной. Левый и правый фланги были защищены крутыми оврагами и глубокими, специально вырытыми рвами. Тыл надёжно прикрывала могучая Волга. Хоть осаду выдерживай.

Охранник в полувоенной форме сверил на въезде мою фамилию с каким-то списком и пропустил, указав путь. Карета неторопливо подъехала к двухэтажному зданию в окружении высоких тополей и множества флигелей. В здании располагалась контора синдиката. Оставив

Маркела с лошадьми в тенёчке, мы с Алексеем зашли внутрь и представились очередному охраннику.

– Вас ждут, – сообщил тот, опять-таки сверившись с каким-то списком.

Вызванный по внутреннему телефону клерк повёл нас на второй этаж, где находился кабинет управляющего.

Матвей Семёнович Поярков встретил доброжелательно, хотя и несколько суховато. Чувствовалось, что в отличие от Остен-Сакена особого пиетета перед прессой он не испытывает, а вот время своё ценит. После взаимных представлений усадил за приставной стол, велел секретарю подать чаю и положил перед нами по брошюре.

– Не хотелось бы, господа, читать вам установочную лекцию о нашем городке, поэтому предлагаю почерпнуть общие сведения из этих рекламных книжек, – сказал он с улыбкой, но твёрдо. – Полагаю, главное – это личные впечатления. На них и сосредоточимся. Выпьем чаю, а там и на экскурсию.

Всё же за короткое время чаепития Матвей Семёнович кое-что рассказал. Городок занимал восемь десятин. На этой немаленькой территории люди работали, отдыхали, жили, а при случае и лечились, поскольку был здесь собственный приёмный покой с врачом и фельдшером. Была начальная школа для детей работников. Были коттеджи для специалистов и служащих, а также общежитие для рабочих. Были непривычно высокие для России зарплаты персонала всех категорий. Был собственный водопровод, собственные телефонная и электрическая станции (электрическое освещение здесь появилось, когда в Царицыне о нём и слыхом не слыхивали), собственная пекарня. Были тысячи высаженных в степной местности деревьев, укрывавших городок от южного зноя. Но главное – была огромная деятельность, масштаб которой я ощутил во время экскурсии.

Наверно, лучше всего этот масштаб символизировали гигантские цилиндрические резервуары, в которые перекачивалась нефть, приплывшая в специальных танкерах из Баку – огромные нефтяные стаканы, устремлённые ввысь. В городке чёрная маслянистая жидкость складировалась, перерабатывалась, направлялась во все концы России. «Примерно семьдесят процентов бакинской нефти проходят через нас», – пояснил Поярков не без гордости. В огромных количествах поступал бакинский керосин. «Мы, кстати, главный распределитель керосина и для всех российских губерний, и на экспорт», – сообщил Поярков.

Были на территории городка свои заводы – нефтеперегонный, механический, бондарный и многое, многое другое, обеспечивающее комплексу практически полную производственную и бытовую автономию. Но почему-то больше всего меня поразила собственная «нобелевская» железнодорожная ветка, по которой на Грязе-Царицынскую железную дорогу уходили составы со специальными нефтеналивными вагонами-цистернами. «У компании таких вагонов около двух тысяч и ещё двадцать танкеров», – прокомментировал Поярков.

Если бы я действительно был журналистом, я сравнил бы городок с огромным нефтяным муравейником, в котором каждый чётко знал своё место и свои обязанности, благодаря чему общее дело день ото дня крепло, развивалось, шагало вперёд. Да ещё как шагало! Заглядывая на ходу в рекламную брошюру, я прочитал, что за последние пятнадцать лет капитал нефтесиндиката без малого учетверился!

Трёхчасовая экскурсия завершилась обедом в местной столовой. На пороге нас встретил толстенький румяный человечек, представившийся Ворониным.

– Иван Ильич у нас главный по борщам, – отрекомендовал Поярков с добродушной улыбкой.

– А также по мясу, рыбе, закускам и напиткам, – в тон ему дополнил Воронин. – Всё питание на мне.

То ли похвалился, то ли пожаловался.

– Чем кормить будешь, Иван Ильич?

– Да уж не обижу...

Он проводил нас в небольшой специальный зал для руководства, отделанный тёмным деревом. На столе уже стояли соленья и прочие закуски, сделавшие бы честь любому ресторану. Само собой, коньяк и водка.

– Обратите внимание на хлеб, – сказал Воронин доверительно. – Такого во всём Царицыне не найдёте.

– Это почему же?

– Наткнулся я как-то в Сарепте на мукомольню Вебера. Помол у него особенный, тончайший, потому и хлеб выходит такой пышный.

– Знаю, что особенный, – проворчал Поярков. – По такой цене-то! Ты нас со своим Вебером по миру пустишь.

– Зато хлеб просто во рту тает! Привозим оттуда муку и печём в собственной пекарне, по своему рецепту. – Воронин поднял палец. – Но это – секрет фирмы! Только для своих. Кушайте на здоровье!

Действительно, хлеб был отменно хорош. Но и всё остальное не подкачало. Подали нам свежеспеленную белужью икру, уху из севрюги (вкуснейшую!), паровую осетрину – как говорится, волжские дары. Поярков налил по рюмке, но свою лишь пригубил.

– Мне ещё совещание проводить, – сказал, словно извинился.

Впечатлённый экскурсией, я совершенно искренне произнёс тост за дальнейшие успехи компании, от которой так много зависит в Царицыне. Поярков покачал головой.

– При всей важности Царицына, это лишь точка на карте компании. А компания, Виктор Петрович, служит всей России. Ведь что такое переработанная нефть? Это энергия, свет и тепло. Без неё паралич промышленности обеспечен. А транспорт, армия, уже не говорю про быт?.. Вот помяните моё слово: значение нефти с каждым годом будет лишь возрастать.

– А как же дрова и уголь? – встрял Алексей.

– По сравнению с нефтью – вчерашний день. – Покрутив головой, добавил Поярков задумчиво: – Мы, конечно, в России не единственные добытчики и переработчики нефти. Но мы – крупнейшие. И если, не дай бог, с компанией Нобеля что-то случится, в империи начнутся большие проблемы – вплоть до хозяйственного и бытового хаоса!

– Типун вам на язык! – сказал от души Алексей, сделавший во время экскурсии массу фотографий.

– Согласен, – сказал управляющий серьёзно.

После обеда он проводил нас до ворот и уже на выходе придержал меня за локоть.

– На два слова, Виктор Петрович.

Алексей, помахав, направился к заждавшемуся Маркелу. Поярков смотрел на меня задумчиво – пожалуй, что и оценивающе.

– Я «Санкт-Петербургские ведомости» читаю и выписываю много лет, – сказал вдруг. – Отличная газета, изучаю от корки до корки. Но вот не могу припомнить ни одного материала, подписанного вашей фамилией. – Он слегка прищурился. – Или вы публикуетесь под псевдонимом?

Что ж, подобный вопрос при составлении легенды был предусмотрен. Оставалось лишь выдать заготовленный ответ.

– Никаких псевдонимов, – сказал я непринуждённо. – Видите ли, в штате газеты я не состою и в ней пока ещё не публиковался. Редактор господин Блинов пригласил меня как литератора для особого случая – подготовки серии очерков.

– А-а, – протянул Поярков. – Я-то уж было удивился... Тем более, что рассказали мне про вашу ссору с господином Серебровым. Говорят, проявили вы боевые навыки, обычному корреспонденту несвойственные?

– Так я же корреспондент специальный, – сказал я со смехом.

И ведь почти не солгал! Но до чего же дотошный управляющий... Словно подслушав мои мысли, Поярков пояснил:

– Вы не обижайтесь на мои расспросы, Виктор Петрович. Приходится проявлять некоторую осмотрительность.

– Отчего же?

– Да ведь живём и трудимся в окружении конкурентов! А они, знаете ли, на любую подлость горазды. В наших подразделениях устраивали и взрывы, и поджоги, и даже личный паролход господина Альфреда Нобеля «Норденшильд» пытались потопить. – Я искренне сделал большие глаза. – К счастью, пока всё обходилось без серьёзных последствий, но ухо держим востро. Хотя, конечно, вас рекомендовал глава города...

Усевшись в карету, я пересказал Алексею разговор с Поярковым.

– В бдительность играет, и на здоровье, – хладнокровно оценил сотоварищ. – Пусть насчёт вас хоть редактору газеты звонит! Получит полное формальное подтверждение. Правда, в драке с купцом вы, не в обиду, малость расконспирировались. Японские приёмы в провинции в диковинку.

Это я, положим, знал и без него. Но что делать? Не вмешаться в купеческую ссору, отсидеться за столиком и таким образом струсить на глазах Юлии я не мог. Хотя со служебной точки зрения, для разведчика это не оправдание. А уж если вмешался, то бей, как можешь. Я вот могу по-самурайски.

Маркел привёз нас в «Столичные номера». Дело шло к вечеру. До ужина мне предстояло связаться с Подшибякиным, написать записку Бабушкину и кое-что обдумать. Алексей отпросился изучать город с фотокамерой в руках.

Из номера я позвонил Николаю Трифоновичу. Полицмейстер сразу поинтересовался:

– А что, Виктор Петрович, приходилось ли вам когда-нибудь общаться с главарём банды?

– Пока бог миловал.

– Ну, так завтра не помилует. Жду у себя к десяти утра. Поедем в гости к Силантию.

– Он будет ждать?

– Ещё чего! Мы незвано, чтобы с мыслями собраться не успел. Нагрянем, как татары на Русь.

На том и договорились.

Присев к столу, я написал записку Бабушкину, в которой назначал завтрашнюю встречу за ужином в трактире Черкасова на улице Астраханской. Место, как я накануне проверил, было спокойное, с отдельными кабинетами, в которых ничто не мешало конфиденциальной беседе. Отдав записку Алексею, велел отвезти в полк и вручить Бабушкину или оставить конверт у дежурного по части. «А потом свободен, как ветер в полёте...»

Сам же сходил на почтово-телеграфную станцию, что располагалась неподалёку на улице Воронежской, послал телеграмму домой, Лизе.

Вечером в гостиничном ресторане вновь довелось убедиться, что после недавней стычки с купцом Серебровым надо мной витает некий ореол популярности. Метрдотель улыбался по-отечески, официант тянулся в струнку и всем видом выражал готовность подать лучшие кусочки. Я был не против. Тем более, что местная кухня мне нравилась.

Едва я успел расправиться с салатом, к моему столику подошёл немолодой человек почтенного, однако несколько потёртого вида. Несмотря на возраст, спину держал прямой, а плечи расправленными. На продолговатом лице с бульдожьими щёчками-брылями выделялись глаза со взглядом умным и настороженным

– Могу ли я вас беспокоить? – спросил вежливо хриловатым баритоном.

О господи! За завтраком неожиданно подсел немец-коммивояжёр, за ужином то же самое норовит сделать... а собственно, кто?

– Что вам угодно? – спросил я сухо.

– Вы, кажется, интересуетесь обстоятельствами гибели майора Данилова? – ответил человек вопросом на вопрос многозначительно.

3

Удивил...

– Почему вы так решили? – спросил я нейтральным тоном.

Человек, не получив приглашения сесть за стол, вздохнул и оперся рукой на спинку свободного стула.

– На это указывают разные обстоятельства, – сообщил деловито. – Во-первых, вы приехали в Царицын вскоре после убийства Данилова. Во-вторых, чуть ли не первым делом посетили городское полицейское управление – возможно, с целью выяснить подробности преступления. В-третьих, побывали в Аварском пехотном полку. Не для того ли, чтобы встретиться с помощником Данилова Бабушкиным? В общем, одно к одному, господин Рязанцев, – заключил он доверительно.

Кем бы ни был неожиданный собеседник, в проницательности и дедукции отказать ему было нельзя. Оставалось выяснить, каким образом он знает Данилова, Бабушкина, меня и главное, какого чёрта ему нужно?

– С кем, собственно, имею честь? – осведомился я сдержанно.

– Маркин Сергей Аполлинарьевич, отставной дознаватель городского полицейского управления, – сообщил человек, и показалось мне, что он щёлкнул стоптанными каблуками издавших виды штиблет.

Я указал на стул приглашающим жестом.

– Садитесь, Сергей Аполлинарьевич.

Маркин, не чинясь, воспользовался приглашением. Достав дешёвенький портсигар, извлёк предпоследнюю папиросу и свойским жестом воспользовался моими спичками. Утренний немец вёл себя не в пример деликатнее.

– Рассказывайте, – предложил я.

– Что именно? – спросил Маркин с готовностью.

– Всё подряд. Но для начала – откуда вы меня знаете и что вам надо?

– Расскажу, расскажу...

Взгляд его сфокусировался на графинчике и затуманился. Намёк был понят. Подозвав официанта, я попросил принести ещё один прибор и добавить закуски. Маркин мигом выпил предложенную рюмку. Взбодрился.

– Всё просто, господин Рязанцев. Я в этом городе знаю всё. Ну, или почти всё, – значительно сказал он, вытирая губы. – Знакомства, связи... Человечек из городской канцелярии шепнул, что в Царицын прибыл столичный журналист писать очерки. Дело хорошее. Но! – Он понизил голос. – Какой-то непонятный у журналиста интерес. Полиция, армейский полк... Это с одной стороны. С другой – только что нашли убитым офицера, целого майора. Для Царицына дело неслыханное. Вот я и подумал...

– Постойте-ка! – перебил я резко. – Так вы за мной следили?

Маркин потупился и не глядя протянул рюмку.

– Ну, в какой-то мере... Понимаете, Виктор Петрович, решил я предложить вам свои услуги. Для любого, кто собрался живописать Царицын, лучшего чичероне⁹, чем я, не сыскать. Всё покажу, обо всём расскажу, всюду сопровожу. Вот я и ходил или ездил следом, чтобы улучшить момент и представиться. Вас мне в гостинице знакомый человечек показал.

Всё ясно. Отставной следователь бедствовал и днями напролёт шлялся по городу в поисках заработка. Но я-то, я! Не заметил, что за мной по пятам ходит человек! Правда, ожидать слежки, едва приехав, было бы странно...

⁹ Чичероне (*итал.*) – гид, проводник.

– Допустим, я действительно интересуюсь обстоятельствами убийства Данилова, – сказал я неторопливо. – Но каким боком это касается вас?

– А таким, Виктор Петрович, что есть у меня сведения, чрезвычайно для вас интересные, – произнёс Маркин, накалывая на вилку сразу два куска ветчины.

– Продолжайте.

– Они стоят пятьдесят рублей!

Неожиданный поворот. Я высоко поднял брови.

– А вы уверены, что они стоят таких денег?

– Они стоят гораздо дороже, – заверил Маркин. – Однако сейчас я нахожусь в стеснённых обстоятельствах и согласен на более скромную сумму. Но теперь же!

– И что же я получу за эти деньги?

– Сведения об убийце Данилова. И главное, о заказчике убийства, – невнятно изрёк отставной следователь сквозь набитый рот.

Разговор складывался куда как любопытно. Коротко задумавшись, я достал из бумажника пять «красненьких»¹⁰ и показал Маркину.

– Вот, видите? – С этими словами я положил их на стол и прикрыл салфеткой. – Кота в мешке я не покупаю. Но если сочту сведения действительно интересными, деньги ваши. В этом можете не сомневаться. Но если попытаетесь водить меня за нос...

– За кого вы меня принимаете? – спросил Маркин риторически, не открывая взгляда от салфетки. – К тому же, полагаю, водить вас за нос себе дороже. Эх вы Сереброва-то отделили!

– Ладно! Итак, кто же убийца?

Маркин, проявляя инициативу, разлил остатки коньяка по рюмкам и вопросительно посмотрел на меня. Пришлось заказать новый графинчик.

– Есть у нас в городе банда так называемых «таганов», – заговорил Маркин негромко. – Серьёзная банда. Может быть, самая опасная в Царицыне. А при них штатный убийца – пре-большой профессионал. Мишка Рыбак его зовут. Так вот, судя по тому, как был нанесён смер-тельный удар, – его рук дело. Ножом в сердце, со спины, с одного раза...

Я-то знал, как был нанесён удар. А вот откуда узнал Маркин? На этот вопрос отставной следователь даже обиделся.

– Из полицейского управления мне пришлось уйти, но связи-то сохранились, – известил он с достоинством. – Человечек один рассказал, что к чему. – Пожевав губами, Маркин остро взглянул на меня. – А ещё он рассказал, что второго вечера Мишку взяли с поличным при попытке убить какого-то приказчика с деньгами.

– Да что вы? – сказал я, делая заинтересованное лицо.

– Верно вам говорю! И если вы в управлении уже какие-то связи наладили, подскажите полицмейстеру, чтобы взял Мишку в оборот насчёт Данилова. Негодяй первостепенный, однако дело своё знает и работать умеет.

Я даже не сразу сообразил, что негодяем Маркин назвал милейшего Подшибякина.

– За что же вы бывшего начальника так сволочите? – спросил с интересом, отвлекаясь от главного.

Показалось мне, что венчик волос вокруг благородной лысины Маркина встал торчком. Как говаривала покойная бабушка: «Аж волосёнки дыбиком».

– Сволочу и буду сволочить! – заявил бывший следователь свирепо. Пристукнул по столу не по возрасту крепкой рукой. – Это же он мне карьеру сломал, из управления вышиб!

– Что ж не поделили-то?

¹⁰ «Красненькая» – обиходное название десятирублёвой купюры в дореволюционной России.

– Обвинил меня во мздоимстве и выгнал! А сам всю жизнь взятки лопатой гребёт! Да я против него так, муравей! – Пригорюнившись, он налил и выпил, не дожидаясь меня. Пожаловался: – Только один раз взял, да и взял-то всего ничего...

– М-да, – сказал я глубокомысленно, не зная, смеяться или плакать. – Но мы отвлеклись. С убийцей, кажется, ясно. Однако он только исполнитель. Кто же заказчик?

Маркин помедлил и наклонился ко мне.

– Ваша новая знакомая, – сказал чуть ли не шёпотом.

– То есть?!

– Барышня Репина Юлия Васильевна.

Назови он имя градоначальника, я поразился бы меньше. Заказчица убийства – Юлия?! Прелестная девушка из хорошей семьи?! С какой стати?

– Вы с ума сошли! – произнёс невольно.

– Отнюдь, – возразил Маркин с достоинством. – Вывод поспешный, а значит, ложный. Маркин слов на ветер не бросает, чтобы вы знали. Считать Юлию Васильевну заказчицей убийства у меня есть веские основания.

Час от часу не легче.

– Выкладывайте! – велел я хмуро.

Сведения Маркина и впрямь оказались нерядовыми.

Юлия с покойным Даниловым была обручена. Это, положим, я уже знал от братьев Репиных, однако счёл необходимым поощрить Маркина удивлённым лицом. Но до неё дошли слухи, что майора как-то видели с молодой красивой женщиной. Естественно, разыграла ревность. Желая развеять сомнения (или, напротив, убедиться в неверности жениха), Юлия наняла Маркина, который после увольнения из полиции промышлял частным сыском и в качестве детектива по найму был в городе известен.

Отставной следователь в течение двух недель наблюдал за Даниловым. А тот, не подозревая о слежке, жил обычной жизнью – занимался служебными делами, разъезжал по городу и окрестностям, по вечерам посещал клуб, рестораны или кинотеатр. И, увы, частенько проводил время в доме купца Мишнина на улице Волгодонской.

А дом этот, как установил Маркин, арендовали для проживания две приезжих женщины. Одной из них было лет шестьдесят, а то и больше. Другой, по всей видимости, внучке, судя по яркой внешности, не исполнилось и тридцати. Она-то и была женщиной, с которой раз-другой случайно видели Данилова в городе. Именно что случайно. Как установил Маркин, женщины жили уединённо, людей не принимали, выходили редко – на рынок или в церковь – и свидания с Даниловым (если таковые имели место, в чём Маркин не сомневался) проходили исключительно в доме.

Собранные сведения Маркин предоставил Юлии. Барышня расплатилась щедро, но с таким лицом, что бывший следователь счёл за лучшее уйти как можно быстрее. А узнав через несколько дней, что Данилова нашли убитым, ни на миг не усомнился – неверного жениха настигла жестокая кара обманутой невесты.

Покойный Андрей, как говорят в народе, был бабником. И я вполне мог представить, что, имея очаровательную богатую невесту, он одновременно развлекался с любовницей. Всё остальное представить не мог.

– Допустим, вы правы, и барышню Репину ослепила ревность, – медленно сказал я. – Но как чисто технически девушка из хорошей семьи организует преступление? Она же не поедет к «таганам», чтобы заказать главарю убийство жениха-изменщика.

– А ей и не надо, – сказал Маркин неожиданно. – У Репиных есть человек для особых поручений. Прошкой зовут. – Я тут же вспомнил предложение старшего Репина прикомандировать ко мне на время пребывания в Царицыне шестипудового молодца. – Репиным пре-

дан по-собачьи. Подозреваю, что в барышню Юлию влюблён тайно, безответно... – Маркин хихикнул.

– А при чём тут Прошка, если убил Рыбак?

– При том, Виктор Петрович, что Прошка этот приходится троюродным племянником «таганскому» пахану Силантию. Потому и взят на службу. Держит связь между бандитами и купцами. И не удивляйтесь! У больших дел и капиталов всегда есть изнанка – самая что ни на есть тёмная. Конкурентов пощипать или там человека неугодного припугнуть, а то и убрать вовсе. Да мало ли! Репины тут не исключение.

– То есть вы полагаете, что Юлия заказала убийство «таганам» через влюблённого в неё Прохора?

– Именно так. Представляю, с каким удовольствием Прошка передавал дядюшке просьбу барышни убрать её жениха!

Ухмыльнувшись, Маркин одолжил папиросой из моего портсигара.

– Ну что ж... Формально говоря, всё складывается, – сказал я задумчиво. – Мотив есть, возможность организовать убийство есть. Есть деньги за него заплатить. И всё-таки не верится. Милая девушка – и такое страшное преступление!

Маркин резким движением затушил окурок и сунулся ко мне.

– Не верится, говорите? Видели бы вы глаза Юлии, когда я ей докладывал о встречах Данилова с другой барышней – тогда б поверили. Вот вы «Леди Макбет Мценского уезда»¹¹ читали? То-то! – Говорил он негромко, жёстко. – Женщина – она и есть женщина: хоть в Мценске, хоть в Царицыне. Существо бездонное, неисчерпаемое и непредсказуемое. Есть в ней и святое, и дьявольское. Уж я-то знаю!

Я пристально посмотрел на сидевшего напротив Маркина. Немолодой, траченный жизнью человек. Потёртый костюм, обтрёпанные манжеты, кое-как выбритые впалые щёки... В его неухоженности сквозили бедность и одиночество. Может, холостяк. Может, вдовец. Но, может, в своё время был женат, только с женой по каким-то причинам расстался – и расстался тяжело... Не потому ли в суждениях о женщине прозвучали нотки злой тоски?

Впрочем, эти мысли я оставил при себе, а вслух ограничился репликой:

– Вы психолог, Сергей Аполлинарьевич. («Работа такая», – хмыкнул Маркин.) Версия ваша красива, правдоподобна – да. Однако, увы, несостоятельна.

Маркин отодвинул тарелку и насутился.

– Позвольте узнать, почему? – осведомился скрипуче.

– Дело в том, что почти одновременно и, судя по почерку, тем же Рыбаком был убит ещё один человек. Некий Парфён Сорокин, побирушка. Видимо, ваш человечек в управлении о том не сказал.

– И что же?

– А то, что Сорокин был связан с Даниловым. И убили их явно по одним и тем же мотивам, которые к ревности и прочим шекспировским страстям отношения не имеют. Можете считать это установленным точно. Вы же не станете утверждать, что барышня Репина заказала убийство какого-то побирушки из патологической тяги к преступлениям? Или что профессиональный убийца Рыбак, убив Данилова, следом зарезал безобидного Сорокина просто так, по инерции?

Маркин выдержал паузу.

– Да, – сказал тихо. – С учётом второго трупа – не складывается...

¹¹ «Леди Макбет Мценского уезда» – повесть русского писателя Н.С. Лескова (1831–1895). Из-за любви и ревности героиня повести совершает страшные преступления.

Убитый вид Маркина объяснялся либо ущемлённой гордостью сыщика, либо мысленным прощанием с «красенькими». Возможно, тем и другим одновременно. Однако мне в голову пришла неплохая мысль.

Я снял салфетку с банковских билетов.

– Забирайте, Сергей Аполлинарьевич, – сказал я, указывая на купюры. – Вы их честно заработали.

Взгляд Маркина блеснул радостью. Он протянул руку к деньгам – и тут же отдернул.

– Не могу, – прошелестел со слезой в голосе. – Мои сведения для вас бесполезны. Я задаром деньги получать не привык...

Чувствовалось, что остатки порядочности и гордости борются в нём с бедностью. Я не стал длить эту борьбу. Почти насильно впихнул «красенькие» ему в руку и произнёс:

– Не задаром, Сергей Аполлинарьевич, не задаром. Во-первых, сведения ваши во всяком случае любопытны. Во-вторых, хочу я вас кое о чём расспросить самым обстоятельным образом. В-третьих, вполне возможно, что в ближайшее время я вас найму как сыщика. Если вы не против, разумеется.

Быстро и бережно спрятав купюры в карман, Маркин расправил плечи, обтянутые стареньким пиджаком.

– Буду рад помочь, – сказал приосанившись. – Однако должен предупредить, что мой сыскной день стоит пять рублей. Впрочем, для солидного клиента возможна скидка. – Поколебавшись, добавил: – Могу поработать в счёт уже полученных денег.

Я чуть не засмеялся.

– Нет, зачем же? Разовый гонорар отдельно, оплата предполагаемой работы отдельно. – Маркин одарил меня благодарным взглядом. – А теперь, Сергей Аполлинарьевич, пойдёмте ко мне в номер. Засиделись мы в ресторане, а нам ещё надо поговорить.

– А как же... – вскинулся Маркин, оглядывая недоеденные закуски и недопитый коньяк.

Пришлось успокоить его заказом новых закусок и графинчика в номер.

Идя наверх, я размышлял, правомерны ли траты на Маркина, уже мною произведённые и предполагаемые. И приходил к выводу, что да, правомерны. В моих планах старый сыщик мог быть очень полезен. По первым впечатлениям, при видимой бедности, старости и склонности к крепким напиткам Маркин сохранил и ум, и энергию. Плюс – обширные сведения о Царицыне и его обитателях. Плюс – несомненный опыт следственной работы и знание царинского преступного дна. По любой мерке, смысл сотрудничать с ним был.

Что касается денег, то они у меня имелись. Монкевиц выделил на командировку солидную сумму из специального фонда, наказав по пустякам не транжирить и отчитаться по возвращении. Всё, как обычно. Стало быть, потратиться на Маркина с пользой для дела я мог. И от души надеялся, что о тратах не пожалею.

Открыв номер, я пропустил отставного следователя вперёд и тут же услышал, как он чертыхнулся. Я быстро зажёл свет.

– Чуть не наступил, – сказал Маркин, указывая на пол.

Там лежал конверт, очевидно, подсунутый под дверь. Подняв, я прочитал сделанную печатными буквами надпись: «Г-ну Рязанцеву В.П.».

Я вскрыл конверт и достал сложенный пополам листок. Развернул. Быстро пробежал глазами небольшой текст, написанный опять же печатными буквами:

«Уважаемый г-н Рязанцев!

Я работал с покойным майором Даниловым и сохранил о нём наилучшие воспоминания. С болью узнал о его гибели.

Догадываюсь, что Вы приехали в Царицын с целью выяснить, кто и почему убил Данилова. Даю подсказку: присмотритесь повнимательнее к помощнику покойного – поручику Бабушкину. Как осведомитель я также сотрудничал с ним и могу судить: это страшный

человек. Я боюсь его. Поэтому не подписываюсь. А ещё подумайте, зачем Данилов несколько раз ездил в Сарепту».

Я медленно сложил листок и вместе с конвертом спрятал во внутренний карман.

– Что-нибудь серьёзное? – спросил Маркин деловито.

– Не исключено, – ответил я. – Возможно, с учётом этого письма наш разговор станет ещё интереснее.

Глава четвёртая

1

Усаживаясь в служебную пролётку, Подшибякин проворчал:

– Всё-таки мундир подтягивает и облагораживает. Как оденусь в штатское, так сразу чувствую себя разжиревшим обывателем.

Сменивший ради визита к «таганскому» пахану полицейскую форму на гражданский костюм Подшибякин преувеличивал. Даже в партикулярном¹² он выглядел вполне импозантно, хотя и не так браво. Что касается меня, то я форму и вовсе почти не ношу. Особенность службы такая.

По пути я сказал:

– Между прочим, Николай Трифонович, факт убийства Данилова Мишкой Рыбаком получил стороннее подтверждение.

– Каким образом?

Я сослался на мнение отставного следователя Маркина и коротко, без подробностей, рассказал о нашем неожиданном знакомстве. О версии насчёт Юлии Репиной, само собой, тоже умолчал.

Подшибякин насутился.

– Вот ведь сукин сын! Другого такого во всём городе нет – всюду без мыла пролезет... Хотя когда-то работал хорошо. Можно сказать, был у меня лучшим дознавателем.

– А почему выгнали, если не секрет?

– Ну, как сказать... Мы ведь когда-то в управлении служили все вместе, в одних чинах. Он, я и Соколов. Всех руководство хвалило, выделяло. А тут начальник управления на пенсию выходит. Могли вместо него назначить Маркина или Соколова, а вышло – меня. Вот Маркин мне этого и не простил. Соколов погрузил недолго и успокоился, а этот не-ет! – Подшибякин с досадой подёргал ус. – Человек-то с характером, а сделать ничего не может. Ясное дело, ожесточился. Начал мне при подчинённых перечить, своё мнение по делу и не по делу высказывать, порой и дерзить. Мстил в своём роде.

– Даже так?

– Именно что так. Ну, я знаете, тоже не ангел. Терпел какое-то время, а потом надоело. Присмотрелся к его делам и поймал на взятке. Опять же, любил Маркин рукоприкладствовать на допросах... В общем, вылетел Серёжа, свет Аполлинарьевич, из управления. Спасибо, что без скандала – пожалел я его.

Я чуть не засмеялся.

– Очень интересно! А знаете, он тоже считает, что вы взяточник.

Достав платок, Подшибякин вытер лоб и взглянул на меня искоса.

– А хоть бы и так? – спросил неожиданно.

– Да помилуйте! – запротестовал я, чувствуя неловкость (дёрнул меня чёрт процитировать Маркина!). – Мне до этого никакого дела нет. Просто к слову пришлось...

– Ерунда, – отмахнулся Подшибякин, пряча платок. – И так в городе судачат, на какие, мол, шиши полицмейстер отгрохал двухэтажный каменный дом. Не купец, не промышленник, а поди ж ты! Беру, грешен, – добавил он с оттенком вызова, понизив голос. – На моём месте не брать – себя не уважать. Сами несут.

¹² Партикулярный (*устар.*) – штатский, гражданский.

– И не боитесь? – спросил я невольно.

– Не боюсь! – отрезал Подшибякин. – Во-первых, беру с разбором – не у каждого. У душегуба или злодея, к примеру, не возьму, сколько ни даст. А во-вторых, по совести беру.

– Это как же?

– В меру! – невозмутимо сказал полицмейстер, подняв палец.

Непрощенная исповедальность Подшибякина слегка покорила, но, в общем, разговор складывался любопытно.

– В меру, говорите? А что это меняет? – поинтересовался я.

– Ну, Виктор Петрович! Да если бы в России каждый брал в меру, империя давно расцвела бы!

– Вы полагаете?

– Даже не сомневайтесь! – Голос полицмейстера стал мечтательным. – Да у нас тогда бы в каждом пруду пароходы плавали! На полях вместо пшеницы сразу караваи росли! В крестьянских избах ватерклозеты шумели. Эх! А так... – Он махнул рукой.

– А коли берут не в меру, то на пароходы с ватерклозетами не хватает? – догадался я не без иронии.

– То-то и оно, что не хватает. Люди гребут под себя и берегов не видят. А того не помнят, что кроме своего кармана есть ещё общественный. Вот он-то сплошь и рядом пустой!

Удивительна и в чём-то забавна была простодушная философия этого далеко не простого человека. Дают – бери, но в меру! Полагая, что поступает правильно и по совести, живёт без моральных терзаний и душевных морщин. Ещё и об общественном благе печётся. И герань свою любит нежно... При этом вполне исправный службист и дело своё делает хорошо. Вот уж точно, что намешано в каждом человеке и тёмного и светлого.

За разговором переехали мы Астраханский мост через полноводную Царицу и углубились в южную часть города. Добротные одно– двухэтажные дома постепенно сменились неказистыми хибарами, которые назвать домами было можно только с большой натяжкой.

– Остен-Сакен бьётся, как рыба об лёд, а город всё никак не обустроит, – с досадой говорил Подшибякин, глядя на окружающие виды. – Денег в казне нет! В сущности, более-менее хорош лишь центр Царицына. Всё остальное – дома и домишки без дорог, без освещения, без канализации. А сколько самовольной застройки! Это же трущобы! Тут вам и антисанитария, и болезни, и преступность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.